

Славянские народы

Сргъян Тучич

THE SLAV NATIONS

BY

SRGJAN PL. TUCIĆ

English Translation by

FANNY S. COPELAND

The Project Gutenberg eBook of The Slav Nations

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Славянские народы

Автор: Срѓян Тучич

Переводчик: Фанни С. Коупленд

Дата выхода: 12 марта 2017 [eBook #54348]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Брайаном Коу, Тургутом Динчером и Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ ***

Электронная книга проекта "Гутенберг", "Славянские народы", автор Срджан Пл. Тусић, Translated by Fanny S. Copeland

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. [См.
https://archive.org/details/slavnations00tuciuoft](https://archive.org/details/slavnations00tuciuoft)

The Daily Telegraph
ВОЕННЫЕ КНИГИ

СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Ткань
1/- нетто

Дейли Телеграф
ВОЕННЫЕ КНИГИ

Почта
бесплатно

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА Авторы: У. Л. КОРТНИ, доктор права, и Дж. М. КЕННЕДИ

ФЛОТЫ НА ВОЙНЕ АРХИБАЛД ХУРД

Компания "Седан" Джорджа Хупера

Компания на круге Лиге Автор Дж. М. Кеннеди

На линии огня А. Сент-Джон Адкок

Великие битвы мира СТЕФЕН КРЭЙН

БРИТАНСКИЕ ПОЛКИ НА ФРОНТЕ

КРАСНЫЙ КРОСС НА ВОЙНЕ Мисс МЭРИ ФРАНСЕЗ БИЛЛИНГТОН

FORTY YEARS AFTER The Story of the Franco-German War By H. C. BAILEY With an Introduction by W. L. COURTNEY, LL.D.

Клочок бумаги Э. Дж. Диллон

КАК НАЦИИ ВЕЛИ ВОЙНУ Автор Дж. М. КЕННЕДИ

Воздушный транспорт на войне С. ЭРИК БРЮС

Знаменитые бои индийских туземных полков Автор Реджинальд Ходдер

Возвращение бойцов в Париж Роджер Ингпен

ПЕРВАЯ КАМПАНИЯ В РУССКОЙ ПОЛЯНЕ П. К. СТАНДЕН

Битвы на реках ЭДМУНД ДЭЙН

От Хелигоlanda до острова Килинг Автор АРХИБАЛД ХУРД

СЛАВНЫЕ НАЦИИ Автор СРГЯН ПЛ. ТУЦИК

СУБМАРИНЫ, МИНЫ И ТОРПЕДОИ А. С. ДОМВИЛЬ-ФАЙФ

WITH THE R.A.M.C. AT THE FRONT By E. C. VIVIAN

МОТОРНЫЕ ТРАНСПОРТЫ НА ВОЙНЕ Гораций Уайатт

HACKING THROUGH BELGIUM By EDMUND DANE

ДРУГИЕ ТОМА В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ

ИЗДАНО ДЛЯ ЕЖЕДНЕВНОГО ТЕЛЕГРАФА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХОДДЕР И СТАУТОН", УОРВИК-СКВЕР,
ЛОНДОН, Е.К.

СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

BY SRGJAN PL. ТУЧИЧ

Перевод с английского Фанни С. Копеланд

ХОДДЕР ЭНД СТАУТОН
ЛОНДОН НЬЮ-ЙОРК ТОРОНТО
МСМХV

СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАСТЬ I.- СЕВЕРНЫЕ СЛАВЯНЕ.

ГЛАВА I.

СТРАНИЦА

РАСА РАБОВ

11

Характеристика славян -
Власть славян в прошлом -
Упадок - Рассвет?

ГЛАВА II.

РОССИЯ

20

I.

Русский ландшафт и
национальный характер - от
Рюрика до Петра Великого -
немецкое влияние - русское
пробуждение.

II.

Сибирь - Белые русские -
Малороссы - Великороссы -
Казачи - Народ подсолнуха -
Сделано в Германии -
Реакция.

ГЛАВА III.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИИ

37

Русское славянство - Мир -
Стресс и голод - Дума -
Русская литература - Гоголь-
Толстой-Достоевский -
Реалистические идеалы -
Русская душа.

ГЛАВА IV.

ПОЛЬША И БОГЕМИЯ

50

I.

Контраст - Национальный

	характер поляков - Госпожа Ценстохова - Танцующие крестьяне - Галицкие поляки - Самоуверенная политика - Австрия - славянское государство.	
II.	Поляки в России - Репрессивные меры России - Славянин Идеал - Лучшее понимание - Поляки в Пруссии - Железная пята - Закон об экспроприации.	
III.	Характерные черты чехов - профессор Масарик - Ян Гус - славянские пуритане - Градчин - современная политика.	
ЧАСТЬ II. ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ. vi		
ГЛАВА V.		
БОЛГАРИЯ		77
	Страна и народ - становление болгарского государства - отношения с Россией - немецкое влияние - Александр Баттенбергский - король Фердинанд - неотложный долг Болгарии.	
ГЛАВА VI.		
СЕРБИЯ		98
I.	Самодостаточность сербов - Характерные черты сербского народа - сила народной песни - расовое самосознание.	
II.	История южных славян.	
III.	Рождение нации - князь Милош - "Великий сеятель" - Александр Карагеоргиевич - Михаил Обренович - король Милан - падение династии Обреновичей - король Петр - восстановление престижа Сербии.	
IV.	Сербия и Австрия - Кампания клеветы - Присоединение Боснии и Герцеговины -	

Балканские войны - Сербия
реабилитирована - Трагедия
Сараево.

ГЛАВА VII.

МОНТЕНЕГРО

129

Страна Черной горы -
женщины - воины - король,
поэт и земледелец -
исторический очерк
Черногории - Петр I,
Петрович - Петр II -
пророссийская политика -
королевский поэт - Никола I.

ГЛАВА VIII.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В ПЕРИОД ДВУЕДИНОЙ МОНАРХИИ

138

- I. Однородный народ -
воинственное прошлое -
Богумилы - национальная
кабала - Наполеон -
иллиризм - соглашение с
Венгрией - граф Хуен -
Хедервари.
- II. Величайший представитель
южных славян - щедрость и
мужество Штроссмайера -
падение графа Хуен-
Хедервари - смерть
Штроссмайера.
- III. Ложный рассвет -
Конференция в Фиуме - Бан
Пауль Раух - Суд над
монстром в Загребе - Дело
Фридъюнга - Кувай - Франо
Супило.
- IV. Далмация, Истрия, Карниола
- Итальянский элемент -
Босния и Герцеговина -
Заключение.

ЭПИЛОГ.

"Захороненные сокровища" *Димитрия Митриновича*

178

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Задача написать книгу о славянских народах доставила мне большое удовольствие, и я надеюсь, что мой труд достигнет цели и вызовет симпатии британской публики к моей расе. Предпочитая давать длинные рассуждения, я намеренно принял простой повествовательный тон при обрисовке некоторых наиболее интересных моментов в национальной жизни славянских народов. Я касался исторических событий лишь постольку, поскольку это было необходимо для контекста, и из-за недостатка места не смог сделать больше, чем просто упомянуть о славянском искусстве и литературе. С другой стороны, много ценной информации по этому вопросу можно найти в эпилоге "Зарытые сокровища", который любезно предоставил в мое распоряжение выдающийся сербохорватский эссеист г-н Димитрий Митринович.

Поскольку в настоящее время я полностью оторван от своей пострадавшей страны, я не смог обратиться за разрешением процитировать некоторые книги, к которым я обращался, но я уверен, что мои коллеги-литераторы, д-р Драгутин Прохаска, Нико Жупанич и д-р Гюро Шурмин, не будут возражать против того, что я прибегнул к их работам в интересах нашей расы.

Я также обязан г-ну Франо Супило, лидеру хорватского народа, а также моему вышеупомянутому другу, г-ну Димитрию Митриновичу, сотруднику сербского легата в Лондоне, за несколько ценных подсказок.

Особую благодарность я выражаю моему переводчику, госпоже Фанни С. Коупленд, и госпоже Элле К. Сейфанг, которые оказали мне неоценимую помощь в работе.

Лондон,
Ноябрь, 1914 г.

Автор.

ЧАСТЬ I.

СЕВЕРНЫЕ СЛАВЯНЕ.

СЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ.

ГЛАВА I.

СЛАВЯНСКАЯ РАСА.

Характеристика славян - могущество славян в прошлом - упадок - рассвет?

Хотя славянская раса не предстает как единое государство или союз, она, несомненно, образует семью народов, связанных кровными узами, традициями веков, схожим языком и обычаями, и особенно узами взаимной любви и симпатии. Это самая великая и могущественная из европейских рас, но и по сей день она не занимает того гордого места, которое ей причитается и которое она когда-то занимала. Не первенство простой силы, которую, несомненно, в достаточной мере представляет Россия, а место, причитающееся

народу признанной культуры, который до сих пор не оценен по достоинству, несмотря на ошеломляющие доказательства его интеллектуальных дарований. Славян до сих пор принято считать умственно неразвитым сонмом полуварваров и троглодитов. Конечно, образованная европейская общественность давно отказалась от этого мнения; но она мало что сделала для распространения более справедливого и либерального взгляда среди широких слоев населения.¹ Немецкие ученые сделали своим делом подчеркивание "славянского варварства" везде, где это возможно, затушевывание ярких и славных страниц славянской истории и подчеркивание всего, что может быть воспринято как доказательство дикости и задержки развития. К сожалению, никто не писал так подробно о славянском вопросе и не придавал ему такого значения, как немецкие ученые, в результате чего другие европейские народы переняли от них свои взгляды - настолько, что можно сказать, что *немецкое* мнение о славянах стало мнением Европы. Постоянные волнения в России и последовавшие за ними репрессии властей дали прекрасный повод для неверного суждения о славянах, и обычная европейская публика узнала о них лишь как о средневековых инквизиторах, для которых Сибирь была большой камерой пыток. Никто, похоже, не понимал, что эти революционные движения, ¹³ не меньше, чем восстания в других славянских странах, всего лишь представляли собой сопротивление энергичного народа, жаждущего просвещения, самодержавному варварству; и что явно несправедливо судить о славянах по поступкам их *угнетателей*, которые в каждом случае следовали немецким методам, культивируемым их правительствами в большинстве славянских стран и импортированным в Россию Петром Великим. С другой стороны, если судить о славянских народах по *душе народа*, а не по их правителям и государственным системам, то они демонстрируют высокий уровень цивилизации и тенденцию к культуре доброжелательного, гуманитарного типа, которая обещает стать гораздо лучшим вкладом в западноевропейский прогресс, чем разрекламированный немецкий "Kultur".

Конечно, славяне еще не достигли своего полного статуса как раса. В настоящее время они переживают период сильного брожения, но вино, которое до сих пор получалось из этого брожения, дает прекрасное основание надеяться, что когда славяне решат свои различные национальные и экономические проблемы, они окажутся равными другим культурным нациям мира.

В мире политики они должны достичь той степени власти, которая необходима для сохранения их расовой индивидуальности и свободы славянских народов. Эта власть должна быть пропорциональна их способности к интеллектуальному прогрессу и сама по себе должна быть гарантией мира во всем мире в будущем. Ведь славянин по природе своей не властолюбив, у него нет тяги к власти как к средству агрессии. Он принадлежит к добродушной расе, меланхоличной, что проявляется в национальной поэзии, в которой находит выражение его душа. Он жаждет любить и быть любимым и охотно присоединился бы к другим европейским народам в качестве друга и брата. Его сила будет заключаться в силе любви. У России нет ни нужды, ни желания расширять свои границы. Балканские славяне желают лишь спокойно вершить свою судьбу в границах *Славянской Сферы*, а остальные славяне желают свободы - только *свободы*. И когда это будет достигнуто, славянский колосс будет представлять собой уже не опасность для Европы, а защиту. Его политическая мощь будет угрожать лишь тем, кто из жажды господства посягнет на основы мира.

В условиях нынешнего кризиса славянская раса ни в коем случае не стремится к возврату в прошлое. В прошлом славяне были хозяевами великой империи и настоящей угрозой для

остального мира. Если взять политическую карту Европы и обозначить на ней границы древней славянской империи, то славянская раса предстанет как непреодолимый поток. Огромная империя московитов, почти вся Австро-Венгрия, все Балканы, две трети Германской империи, часть Италии и большая часть Скандинавии - все это когда-то составляло империю славян. На исторических картах на протяжении веков над всеми этими странами начертано единое победное слово "славяне" ("знаменитые" или "славные"). Их историю и развитие можно проследить с 400 года до нашей эры.

Тавры, охранявшие Золотое руно, были славянами, как и люди Балтики, с которыми финикийцы и греки торговали янтарем. Лесные земли Севера, эта серая родина магии, мудрости и доблести, как темный фон, полный странных возможностей, висят за солнечной Грецией и ясным, практичным Римом - и это была империя славян в прошлом, Гардарики и Йотунхейм (Страна Великанов) норманнов. Из века в век они играли все более важную роль среди народов Центральной и Восточной Европы, их боялись как сильную, однородную расу. Их могущество достигло зенита в конце V века, перед тем как по Европе прокатилась волна гуннского нашествия. В то время они властвовали от Альп до устья Эльбы и от Балтики до Черного моря. Тогда они были одним большим народом, разделенным на несколько племен, говоривших на слегка различающихся диалектах; но только часть их численности - жители нынешней Далмации - подчинялась императору Непосу. Вторжение аваров, захвативших большую полосу славянских владений между Дунаем и Днестром, внесло первую брешь в единство великой славянской семьи. Отныне они стали называться северными, восточными и южными славянами и образовывать отдельные народности. В эпоху Карла Великого эти народности уже выкристаллизовались в независимые государства, чье могущество и процветание вошли в историю. Самым сильным из них в итоге стала Польша, простиравшаяся далеко на территорию современной России. Моравская империя Святоплуков, Сербская империя, королевство Хорватия, славянизированные болгары на юге, а также Великое княжество Московия (и Вендское королевство в Северной Германии) завершают семью славянских государств. Было бы слишком долго описывать историческое значение всех этих государств, но характерным доказательством их могущества является то, что не только европейские, но и азиатские народы добивались их расположения.

Одни из главных торговых путей мира вели из Северной Европы через сердце России в Византию ("Миклигарт" из саг) и Азию. Славяне, норвежцы, татары и арабы мирно торговали вместе на берегах Волги, и множество отрывков из норвежских саг, а также дневник арабского торговца дают нам яркое представление о тех временах. Почему-то эти прожекторные картины славян и их страны, записанные с позитивной журналистской свежестью и любовью к деталям, не подтверждают предвзятых рассказов немецких историков. Но эта мировая мощь, которую одна только Россия неуклонно развивала до наших дней, начала ослабевать среди других славянских народов вскоре после первого крестового похода (1097). Уже в 1204 году (четвертый крестовый поход) Славония, Хорватия, Далмация и Босния вошли в состав Германской (Священной Римской) империи вместе с Венгрией, Истрией, Карниолой и Каринтией. При Гогенштауфенах Богемия и Моравия также стали вассальными государствами, а в XIV веке победоносные османы лишили независимости болгар и сербов. За исключением России, только Польша сохранила свою независимость до первого раздела в 1772 году, за которым последовал второй в 1793 году. Третий и последний раздел в 1795 году решил ее судьбу, и поляки были разделены на части под властью России, Пруссии и Австрии.

Раздел Польши стал началом полного политического, а в некоторой степени и национального упадка нерусских славян. В то время как Россия начала расправлять свои могучие шестерни, славяне под чужеземным игом все глубже погружались в апатию уныния, нарушаемую лишь время от времени редкими вспышками патриотизма или бурей восстания. Книга истории лежала перед ними с золотыми и черными страницами; но в их измученных глазах черное всегда вырисовывалось больше, чем золотое, и они поддались унынию, которое не знало утешения и не видело выхода. И пока они погружались в апатию, их правители оказывали на них сильное давление, чтобы искоренить печать их национальности не только на их лицах, но и в их душах. Германия и Австрия чуяли восточный вопрос и предвидели, что при его решении славяне смогут восстановить свои силы. Поэтому они решили подойти к решению проблемы, опираясь на полностью выхолащенное и денационализированное славянство. Для этого они стремились прежде всего превратить славян в послушных граждан германской империи; ведь со времен Карла Великого немцы повторяли как попугай, что славянин варвар, упрям, опасен и уродлив, и что единственный шанс на спасение - это слияние его с германцами империи. Фактом является то, что в этот период славяне не делали ничего, чтобы помочь себе. На народ, не менее чем на образованные слои, навалилась тяжелая усталость, и он готовился примириться с судьбой, которая уже постигла его братьев, сербов и болгар. Но ход истории сделал для славян то, что они не смогли сделать для себя. Наполеон, олицетворение разрушения для всей Европы, принес спасение западным славянам, так как пробудил в них чувство национального самосознания и тем самым подготовил почву для долгой и ожесточенной борьбы, которую они ведут с тех пор против своих угнетателей. Как только эта борьба началась, Россия, которая до сих пор спокойно смотрела на гибель своих братьев, начала проявлять интерес к их страданиям и оказывать им мощную моральную поддержку.

Однако эта борьба не могла принести немедленного облегчения. Славяне прекрасно понимали, что путь к свободе долг и должен быть завоеван шаг за шагом. Проблема Ближнего Востока, которая продвинулась на одну ступень с освобождением Сербии, должна быть сначала решена во всех фазах и деталях, чтобы расчистить путь для решения чисто славянской проблемы. Европа не может проявлять жизненный интерес к этой проблеме до того, как балканская проблема будет решена, а условия для освобождения славян настолько выполнены, что эта трудность может быть решена в ходе обычного прогресса цивилизации.

Психологический момент, похоже, настал, и славянский вопрос заслуживает того, чтобы быть полностью поставленным. Несомненно, британская общественность, которая с таким великолепным духом вступила в нынешний кризис, не упустит своего интереса к славянскому вопросу, тем более что Англия будет иметь весомый голос в этом вопросе, когда наступит окончательное урегулирование.

ГЛАВА II.

РОССИЯ.

I. Русский ландшафт и национальный характер - от Рюрика до Петра Великого - немецкое влияние - русское пробуждение.

II. Сибирь - Белые русские - Малороссы - Великороссы - Казаки - Народ подсолнуха - Сделано в Германии - Реакция.

I.

По приблизительным подсчетам, в мире насчитывается 172 миллиона славян. Только русских насчитывается около 110 миллионов, и эти миллионы занимают огромную страну, простирающуюся от снегов Крайнего Севера до земель, где круглый год цветут апельсиновые деревья. Россиянин считает, что его дорогая "маленькая матушка Россия" - самая красивая земля на всей земле. Горные кручи и обрывы Урала, зеленые склоны Кавказа, сибирские пустоши, серые берега Балтики и солнечные берега Эвксинского моря, Волга и Дон, и даже священные степи - все они прекрасны, в них отражается образ его души и его чувств. Западному путешественнику будет трудно понять эту страстную любовь русского к своей стране, и он почувствует 21 соблазн провести резкое сравнение между степенями красоты в различных районах. Но пейзаж России так же своеобразен, как и русский народ. Он такой же русский, как и сам русский. Пожалуй, нет другой такой страны в мире, где климатические и геологические условия так глубоко повлияли на внутренний характер народа, вплоть до его внешних черт. Там, где пейзаж красив, а климат солнечен, преобладает красивый благородный русский тип; в то время как холодные, негостеприимные районы порождают характерный широколицый, плосконосый тип. И все же между грубым и красивым типами существует странное сходство, которое внимательный наблюдатель не может не заметить между различными типами русского ландшафта. Ибо хотя степь серая, а поля Кавказа зеленые, но и в том и в другом случае есть нечто, что носит один и тот же облик, дышит одной и той же чисто русской атмосферой и пронизано одним и тем же чудесным очарованием. Это очарование идеально сбалансированного контраста. У земли России есть душа, подобная душе ее детей, о которых она заботится, которыми живет и дышит. Эта душа везде одна и та же, она одинаково благоухает и в степной сухой траве, и в крымских рощах сиринги.

Русская земля плодородна, неисчерпаемо плодородна, как будто она сознает, что от нее зависят миллионы. Говоря метафорически, эта земля производит свои дары из себя самой и щедро одаривает ими своих детей. Русский никогда не работает больше, чем обязан - ему не нужно бороться с почвой, ему нужно только не забывать о ней. Но он обрабатывает ее с любовью; он не принуждает к дарам природы, он уговаривает ее, и там, где эти плоды не появляются на поверхности, он ищет их в сердце земли, и спускается в угольные шахты и свинцовые рудники с той же безмятежной уверенностью, с какой он пашет освещенную солнцем поверхность. Разве он все еще не со своей "маленькой мамой"?

Русский человек по своей природе крестьянин. Великое промышленное развитие последних десятилетий автоматически вытекает из природных богатств страны, но истинный россиянин извлекает из этого промышленного бума мало пользы. Его коммерческие дарования невелики, и он был доволен тем, что оставил деловую эксплуатацию страны в руках иностранцев, лишь бы получить свою небольшую прибыль. В его глазах фабрики и заводы - это "немецкие монстры", и он предпочитает обходить их стороной. Но в последнее время идет активная агитация за возрождение всех отечественных производств. Россиянин осознал, что его политика настроений в бизнесе должна быть изменена в соответствии с современными требованиями, и что благосостояние народа не должно зависеть от иностранных посредников. Нынешний большой конфликт с немцами, которые до сих пор в значительной степени монополизировали российскую промышленность, несомненно, будет способствовать этому движению к промышленному освобождению.

История России начинается практически с Рюрика (862 г.), который, как предполагается, пришел из Скандинавии и заложил основы русского государства.² К приходу Рюрика русские были разделены на множество отдельных общин под управлением независимых вождей. Рюрик привнес новый дух единой организации, и все усилия по созданию Российской империи берут свое начало от него. Конечно, основание империи неизбежно должно было повлечь за собой противостояние, восстания, войны и кровопролитие. Каждый округ гордился и ревновал к своей независимости, и уступал только после тяжелой и ожесточенной борьбы. В период становления империи история России изобилует такими кровавыми эпизодами. Великое княжество Московское было самым крупным из российских мелких государств и во всех отношениях самым хорошо оснащенным, поэтому задача организации естественно легла на него, вместе с плодами победы. Шесть веков непрерывной борьбы с врагами извне и изнутри приводят нас со времен Рюрика к воцарению Ивана Васильевича III. (1462-1505), который считается основателем русского царства. Он присоединил к Великому княжеству Московскому еще независимые княжества Тверь, Мошник и Вологду, разгромил могущественную Новгородскую республику и полностью освободился от татарского ига (1480). В 1472 году он женился на Зое, дочери Фомы Палеолога, брата последнего византийского императора. Через эту княжну в Россию впервые проникли европейские обычаи, а византийский двуглавый орел был введен в русский герб. Знаменитые Успенский и Благовещенский соборы в Москве были построены в царствование Ивана Васильевича III. Он обнародовал указ, объявлявший царство отныне единым и неделимым по закону, и стал первым русским правителем, принявшим титул "Царя всея Руси". Христианство, введенное святым Владимиром (980-1054), к этому времени полностью расцвело как национальная религия, так что основание современной "Святой Руси" во всем ее величии мы можем датировать эпохой Ивана Васильевича III.

В последующие века могущество царства росло и, наконец, достигло зенита при Петре Великом, которого можно назвать первым из современных русских царей. Он применил в России свои собственные западные знания и значительно улучшил общее положение царства. В его правление Россия начала играть свою роль как политическая и военная держава, ведь именно он основал русский флот и торговый флот. Он был безжалостным самодержцем, и многие страницы его царствования пропитаны кровью; однако самодержавие было для него не столько делом чувств, сколько суровой необходимостью. Он страстно любил свой русский народ, но говорил, что это народ, который нужно сделать великим силой. Уверенный в неотъемлемости национального характера, он не видел опасности в оптовом импорте иностранцев для помощи в создании русской администрации. Он окружил себя немецкими советниками, назначал немцев на ответственные посты и свободно допускал немецкий элемент в Россию как средство распространения "культуры". Во многих отношениях немецкая обстоятельность оказалась весьма полезным подспорьем в осуществлении намерений царя. С другой стороны, она породила династию и самодержавную аристократию иностранного происхождения, которые не смогли понять русский народ, и чье влияние оказалось губительным для цивилизации и интеллектуальной свободы в России. *Внешне* Россия при Петре I стала мировой державой, но *внутренне* она стала жертвой системы духовного рабства, которая сохраняется даже в последние годы преемниками Петра и их советниками, потомками немецких эмигрантов. *Здесь кроется истинная причина революционного движения более чем столетней давности.* Три последних царя России - два Александра и нынешний царь - предприняли шаги к устранению великого зла, и если до сих пор они были успешны лишь отчасти, то вина лежит не на них и не на русском народе, а на *все еще немецком* уме их советников. Отмена

крепостного права, неоднократные конституционные манифесты и введение думской системы - это важные шаги к светлому будущему. Но ворота в это будущее могут быть полностью открыты только с окончанием настоящей войны.

II.

Хотя Россия приобрела миллионы нерусских подданных, главным образом через Крым, Бессарабию и свои азиатские владения, она никогда не теряла своего чисто русского характера. Законы, касающиеся покупки земли, составлены таким образом, что территории, принадлежащие сердцу России, не могут в значительной степени переходить в руки нерусских, что объясняет тот факт, что эти части империи остались по существу русскими. Сибирь занимает исключительное положение и сегодня является большой колониальной провинцией со смешанным населением. С каждым годом богатство и плодородие Сибири становятся все более очевидными, и вместо мрачной и необитаемой эта страна теперь явно густонаселенная. Ужасы Сибири как колонии уходят в прошлое, и только лица, совершившие тяжкие преступления, по-прежнему осуждены на работу в свинцовых рудниках и томятся в каторге. Осужденные, которых просто ссылают в Сибирь, могут зарабатывать себе на жизнь в сносных условиях, не считая потери свободы и надоедливого полицейского надзора. Поэтому часто случается так, что отбывшие срок каторжники предпочитают остаться в Сибири, а в новой стране в итоге находят не только дом, но и процветание.

Сибирь, Крым и Бессарабия интересны как страны и как российские территории, но для характеристики русского народа они не имеют значения. Настоящий русский народ делится на три большие группы: белорусов, великорусов и малорусов. Они представляют Север, Центр и Юг России. Этнологически, экономически и интеллектуально белые русские представляют собой низший тип. Они населяют северные районы от границ Польши, древней Литвы и Новгорода. Их центральными губерниями являются Минская, Литавская и Смоленская. Это нищая и, можно сказать, ленивая Россия. Сельскохозяйственные возможности ограничены, почва не очень плодородна, а белый русский недостаточно трудолюбив и настойчив, чтобы улучшить ее рациональным земледелием. Народ более апатичен, чем в других регионах России, и менее склонен с энтузиазмом воспринимать современные идеи. Эти люди становятся нервными и возбудимыми только тогда, когда им угрожает нехватка продовольствия; тогда их отношение часто гораздо опаснее, чем прилив социальной революции. По крайней мере, белый русский сохранил свой тип достаточно чистым, и, несмотря на чужих соседей, у него почти нет следов расовой примеси.

Малороссы, населяющие весь юг России, от которых произошли знаменитые казаки, самым радикальным образом отличаются от своих северных собратьев. Это возбудимые, вспыльчивые, дерзкие русские. Мужчины почти все без исключения обладают прекрасной внешностью и красивы, а женщины зачастую необычайно красивы. Их язык отличается от остальной русской речи чрезвычайной мягкостью диалекта (который не похож на сербохорватский), а их музыка и поэзия - лучшие в славянской расе. В прошлом малороссы были разделены на множество мелких и независимых кланов, которые соперничали друг с другом в безрассудных военных предприятиях. Конечно же, первенство всегда принадлежало замечательным казакам. Они до сих пор занимают свои исконные места на Дону и в Кавказе и составляют *элиту* русской армии, так же как когда-то были цветком малороссийских племен. Более того, они до последнего сохраняли свою свободу и привилегии в России. Сегодня на казаков привыкли смотреть как на людей, особо преданных царю, но на самом деле у казачьего народа было очень непростое и интересное прошлое. Когда-то они были независимым воинственным народом, которого боялись и обхаживали соседи; они чувствовали себя настолько уверенно, что даже осмелились

ответить на требование турецкого султана о покорности письмом с издевательскими насмешками (знаменитый "Казачий ультиматум"). Они сыграли огромную роль в истории России, и каждый русский правитель поочередно стремился заручиться их поддержкой. После окончательного подчинения России (1851 г.) казаки постепенно сменили свое политическое значение на нынешнее военное. Толстой писал о них следующее - хотя его замечания действительно относятся ко всему малороссийскому народу: "Много лет тому назад предки казаков, "староверы", бежали из России и поселились на берегах Терека (Кавказа). Это красивое, зажиточное и воинственное русское население, до сих пор сохранившее веру своих отцов. Поселившись среди чеченцев, казаки смешались с ними и переняли нравы, обычаи и образ жизни этих горцев. Но свой русский язык и свою древнюю веру они сохранили во всей своей первозданной чистоте..... И по сей день родство между некоторыми казачьими семьями и чеченцами хорошо заметно, а любовь к свободе и праздности, восторг от набегов и войн являются их главными чертами. Их любовь к показухе в одежде - подражание черкесам. Казак приобретает свое великолепное оружие у своих соседей-горцев, а также покупает или "снимает" у них своих лучших лошадей. Все казаки любят похвастаться знанием татарского языка. В то же время этот небольшой христианский народ считает себя высокоразвитым, а казака - полноценным человеком. Они презируют все другие национальности..... У каждого казака есть свой виноградник, он сам давит вино, и его неумеренное пьянство объясняется не столько склонностью, сколько священным обычаем, пренебрежение которым расценивается как отступничество..... На женщин он смотрит как на средство, способствующее его процветанию. Только молодым девушкам он позволяет наслаждаться досугом: от замужней женщины он требует каторжной жизни с ранней юности до старости, и он совершенно по-восточному ожидает от своей жены покорности и тяжелой работы..... Казак, считающий неприличным в присутствии посторонних людей обменяться с женой добрым или ласковым словом, невольно чувствует ее превосходство, как только остается с ней наедине. Ведь весь его дом и хозяйство приобретены благодаря ей и поддерживаются ее трудом и заботой.....".

Между этими крайностями северной и южной России, как маяк или нерушимый ориентир, выделяется великорусский человек. Он представляет собой *чистейший* тип русского народа, детей "матюшной Москвы". Все, что создала Россия на пути истинного величия во всех смыслах этого слова, имеет свою колыбель в Великой России и вскормлено у груди матушки-Москвы. Этот истинно русский народ населяет огромные центральные районы России, а Московская и Новгородская губернии являются его особым домом. Русская вера обязана своей красотой, русский идеал - своей чистотой этому народу, и именно он дал расе *общеславянский идеал*. И это единственный русский народ, душа которого имеет два лица - внешнее и внутреннее. Русский скульптор Цуков символизировал их в фигуре, напоминающей подсолнух. Нелишне знать, что великий русский не может жить без семечек подсолнуха. Он называет их "подсолнушками". Все усыпано "подсолнушками" - улицы, полы комнат и вагонов, даже углы в церквях. Каждый великоросс ест "подсолнушки", и по характеру он сам "подсолнушек". У него есть внешняя оболочка и ядро. В России подсолнух - королева цветов, и как подсолнух среди цветов, так и великоросс среди русских народов. Он - истинный "царь Руси". Царь - это солнце, сердце царства, а москвичи - "подсолнушки". Каждый человек - лишь один среди многих, частица, семя для распространения и прославления своего рода. Пожалуй, по идиллической простоте великорусский человек не имеет себе равных в мире. Не потому, что он ест "подсолнушки", переkreщается в трамвайных вагонах, проезжая мимо церкви, ходит в больших сапогах в летнюю жару, пьет водку, вино и пиво, не считаясь со временем и сезоном, а потому, что он - истинная старшинская душа. Он совершенно равнодушен ко всему, что не интересует его лично. Поверхность его души тверда и непроницаема, как скорлупа подсолнечного семечка. Его

лицо носит невозмутимое, неизменное выражение. Чтобы добраться до ядра его *человеческой* души, нужно отбросить все формальности, отбросить все препятствия и вгрызться в него, как в семечку. Если вы будете грубо с ним обращаться и "выводить из себя", он неожиданно покажет себя в своем истинном обличье, лучшей и добрейшей души; но если вы будете обращаться с ним в лайковых перчатках, вам никогда не удастся заглянуть в его внутреннюю природу. При знакомстве очарование великорусского заключается главным образом в том, что он внезапно переходит от резкого сопротивления к неожиданному проявлению нежной, незатронутой влюбленности. Великий русский обладает сильным природным талантом к философии, но, выражаясь метафорически, его философия - вегетарианская, как и его кулинария, в основном сохранившаяся до наших дней. В ней есть запах сушеных трав, свежескошенного сена и южного леса; она напоминает темные леса, где солнечный свет, пробиваясь сквозь прорехи между верхушками деревьев, сияет золотисто-голубым, неземным великолепием - лучом света Божественного. Его философия не имеет крови, как у святых древних иконов.

Этот великий русский народ - цветок России, подсолнух, чьи золотые лепестки указывают путь в будущее всей русской нации.

Проблема русской культуры имеет свои корни в русском *народе*, а не в образованных классах. Стремление к культуре исходило от самого народа, и дух, который он проявлял, указал путь образованным классам в великой борьбе за национальную культуру в течение последних лет. Образованный человек - интерпретатор народного запроса на культуру, интеллектуального богатства, живущего в душе и сознании русского народа. Почти все русское искусство и литература черпают из этого источника, и никогда не показывали миру столько гения поэта, художника или скульптора, сколько гения русского народа, его породившего; и лучшее, что раскрывается в русском искусстве, - это лик русской души с ее многообразными сторонами мыслителя, философа и чисто человеческого существа. Достоевский, Толстой, Гоголь, Гончаров, Чехов, Горький, Андреев в поэзии; Репин, Васнецов, Цуков, Трубецкой и многие другие в изобразительном искусстве; все они научились тому, что они должны были сказать, из души народа и *мудрости* этой души; и великие русские музыканты использовали голос народа повсюду для выражения своего искусства. Все они - лишь интерпретаторы богатого фонда культуры, скрытой культуры русского народа. Эта скрытая культура, в соединении со святой русской верой, продвинулась к высшему развитию человеческого достоинства и благородства, к миру, основанному не на крови, а на любви. Поношения, которые немцы возводят на русское варварство, являются лишь результатом завистливой ярости неполноценного человека, который видит, что его искусственная псевдокультура подвергается опасности со стороны другой культуры, цветущей из глубины человеческого сердца.

Нерусские славяне долгое время находились под влиянием немецкой культуры. С присущей им агрессивностью немцы представляли свою культуру как высшую точку цивилизации и насаждали ее повсюду с той же жестокостью, которая сегодня отличает продвижение их захватнических орд. Даже народам, обладающим несравненной тысячелетней культурой, таким как французы и итальянцы, было трудно избежать их влияния. Но притворство неизбежно должно погибнуть от собственного воздействия. У каждого народа, у каждой нации есть своя особая восприимчивость, своего рода инстинктивный вкус, который отказывается терпеть все, что не импонирует его душе и может действовать на него разрушительно. Народы Запада уже давно бойкотировали "вильямистскую" культуру, и только отдельные изолированные славянские народы принимали ее - в основном те, которые

практически зависели от Германии, и чья родная культура была насильственно подавлена. В результате еще несколько лет назад нерусский славянин знал своего сентиментального Шиллера лучше, чем Данте, Ленау - лучше, чем Пушкина, Клейста - лучше, чем Шекспира, а Готфрида Келлера - лучше, чем Достоевского. В славянских школах Австро-Венгрии немецкий язык является обязательным официальным языком (другие языки по сей день не допускаются в школы), немецкая история преподается как эталон национального величия и цивилизации, а немецкая литература и искусство - как практически уникальные и непревзойденные. Все, что имело клеймо "Сделано в Германии", прививалось как идеал. Поэтому не было ничего странного в том, что немецкая культура долгое время преобладала среди этих славян. Но славянский инстинкт всегда ненавидел эту культуру, хотя сначала бессознательно, и чувствовал в ней ложного и коварного врага. Тогда Россия начала свою интеллектуальную кампанию среди славян. Сначала это была нелегкая борьба, так как правительственные власти ставили все возможные препятствия на пути этой пропаганды. Но когда славянские народы поняли, что русское влияние может дойти до них только как запретный плод, они стали сильно желать его. Силе государства они противопоставили силу своей воли и своих инстинктов. Эта борьба продолжается до сих пор, но она неизменно заканчивается успехом в пользу русского влияния. В восьмидесятые годы результаты этого влияния начали приносить свои плоды, и с этого времени интеллектуальное и образовательное развитие славян благополучно вошло в фарватер русского интеллектуализма. Искусство и литература пошли по линиям, проложенным Россией, и стали более определенно славянскими. Скрытое умственное богатство и ресурсы славянских народов вышли на поверхность и предстали чистыми, незатронутыми и совершенно свободными от немецкой "угловатости", а их социальные проблемы обнаруживают явное родство с русским общественным движением. В последние годы этот процесс эмансипации и присоединения настолько развился, что перешел в область политики и материализовался в *русском протекторате над всеми славянами*. Это, однако, не требовало никакой пропаганды - оно возникло само собой, как будет показано в главах, посвященных другим славянским народам.

ГЛАВА III.

РУССКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.

Русское славянство - Мир - Беда и голод - Дума - Русская литература - Гоголь, Толстой, Достоевский - Реалистические идеалы - Русская душа.

Выдающийся русский публицист Меньшиков в одной из своих работ о русском национализме пишет следующее: "В мировом смысле только мы, русские, являемся славянами и - к сожалению - пока никто другой. Остальные славянские народности так расчленены, так глупо и искусственно держатся порознь и враждуют между собой, что едва ли имеют значение как в политическом, так и в ином смысле. Большинство внешних славянских народов все еще находится под немецким, венгерским или турецким игом, и в настоящее время они совершенно не в состоянии сбросить это иго. Причин упадка западных славян много, но главная из них - *отрицательный* тип их характера и вытекающая отсюда склонность к раздорам и взаимной ревности..... Даже в том, что касается национальной культуры, Россия - несмотря на все ее внутренние беды - занимает лидирующее положение

среди славянских народов. Во всех отношениях она имеет право сказать: "Я - славянство. 38 "".

Несколько горький тон, принятый в этой сентенции по отношению к другим славянским народам, можно было бы легко изменить, обратившись к доказательствам, но, несмотря на это, замечания Меньщикова верны по существу. Истинность его утверждения о всемирном значении русских и относительной малозначимости других славян в наши дни следует признать. И именно поэтому к вопросу о русском народе проявляется особый интерес. Еще рано судить о полном значении русских как фактора мирового развития, ибо они едва ли еще вступили в свои права. Рождение русского народа происходило на протяжении последнего столетия. Сначала появилась голова - русская *литература*, а затем медленно, целенаправленно, гигантское тело - *русский народ*, который постепенно достигает политического и национального самосознания.

До 1861 года русский народ вел зачаточное существование в лоне Святой Руси-матушки. Дворянство смешанного монгольского, немецкого, британского, французского и даже негроидного (Пушкин) происхождения ело, дышало и думало за народ. Большинство иностранцев считают, что русский народ "эмансипировался" в 1861 году. Но эта эмансипация была лишь частичной и скорее кажущейся, чем реальной; ведь хотя крепостное право было отменено, оставалось еще тяжелое иго "мира" - консервативного, закованного в железо института, который сильно тормозил развитие русского народа, ограничивая свободу личности. Строго говоря, "мир" - это село или волость, но в экономическом смысле это было объединение нескольких семей под одним началом. Славянофильские писатели, Хомяков и братья Кирееваки, со своими последователями вплоть до Победоносцева видели в "Мире" гарантию не только благосостояния России, но и всего мира. Они считали "Мир" тем экономическим коммунизмом и нравственным братством, которые западная социал-демократия тщетно пытается открыть другими путями. Они считали, что "Мир" призван обеспечить будущее русского народа и дать ему средства для решения всех социальных проблем мира в соответствии с законами справедливости и любви. Русская литература полна стихов, трактатов и религиозных созерцаний, восхваляющих его. Даже величайшие русские умы, такие как Достоевский, были сражены этой идеей. Никакие "западные" доктрины не были способны разубедить русских в их заблуждениях. Сама природа должна была прийти на помощь, разрушить химеру и вернуть Россию на путь здравого смысла и прогресса.

Произошло это очень просто. В России периодически возникал голод, и огромная империя, "житница мира", не имела хлеба для миллионов своих честных, трудолюбивых детей. Они не могли понять, как может быть голод в плодородной, малонаселенной стране, то время как кишасщее население западных стран имело достаточно еды. Голодающие русские люди утверждали, что голод был вызван нехваткой *земли* и что их обманули в 1861 году, когда земля была поделена между дворянами и крестьянами. В результате росло недовольство правящими классами, которым крестьянство по-прежнему должно было платить "выкупные платежи" в денежной или натуральной форме. В соответствии с древним обычаем "мир" периодически делил землю между своими членами. Очевидно, что во многих общинах земли на каждого члена не хватало. Результат - голод. "Мир" был самоуправляемым и обладал теми же полномочиями в отношении своих членов, что и прежний хозяин земли. Он осуществлял отеческую юрисдикцию, наказывал ударами или ссылкой в Сибирь, делил землю, собирал налоги, выдавал проездные билеты и часто самовольно устраивал беспорядки. В девяностые годы становилось все более очевидным, что "Мир" представляет

собой моральную и материальную опасность для народа. Неурожаи и голод были бичом народа с 1871 по 1907 год и даже в 1911 году.

Не стоит вдаваться в подробности аграрных кризисов, вопросов реформ, экспериментов и реакций, которые так отчетливо вырисовываются на страницах современной российской истории. Достаточно сказать, что все это привело к революции 1905 года, и что результате этой революции правительство решилось на шаг, который оно с равным успехом могло бы предпринять в 1861 году. В 1906 году правительство решило частично ликвидировать "миры" и, создав свободные фермерские хозяйства, принадлежащие *частным лицам*, сформировало класс фермеров-староверов с полными гражданскими правами. Эта реформа, полностью осуществленная только в 1911 году, знаменует собой начало новой политической эры для русского человека из народа. Последствия этой поистине великой реформы еще рано ощущать в полной мере. Русский крестьянин еще не привык к новому положению личной свободы, еще не научился проводить в жизнь свою политическую и социальную волю. Не может быть и речи о конституции до тех пор, пока "мужик" не достигнет полного статуса гражданина и земледельца. В России мы говорим о "первой Думе", "второй Думе", "третьей Думе", тогда как в остальной Европе никто не говорит о "первом", "втором" или "третьем" парламенте, а просто о "парламенте". Эти "первая", "вторая", "третья", а теперь и "четвертая" Думы - просто множество редакций одной и той же Думы, с каждой редакцией все более жестко обрезаемой правительством, пока не осталась лишь самая незначительная тень. В данный момент вся социальная структура России аналогична этой думе-системе. Интеллектуальный мир России не более вправе представлять русский народ, чем четвертая Дума - первую. Российская интеллигенция может говорить от имени народа, но ее слова на самом деле не лучше, чем рассказ из третьих рук. Даже когда нет попыток фальсификации, они всегда стоят на определенном расстоянии от народа. Все, что писали великие русские реалисты о своем народе, - лишь интуитивные догадки на расстоянии. Поэт проецирует свой собственный мир на народ. Психология великих русских писателей-фантастов - *это тенденция, иллюзия, основанная не на точном, а на интуитивном знании народа*. Русский реализм граничит с визионерством и мистицизмом. Европа до сих пор не могла разглядеть реальные основы этой поэзии в ее отношении к русской жизни и просто позволяла себе очаровываться "острым психологизмом" писателей. В результате создавалось ложное впечатление. На самом деле все обстоит иначе - вместо *настоящей правдивости* мы находим у русского писателя реалистическую тенденцию, *настоящую этическую обиду*; отсюда и повышенная "острота" его психологии, критический штрих в его воображении, который дает такой поразительный эффект правдоподобия. Европейские критики никогда не обнаруживали швов в ткани русского романа; они принимали шедевр как результат единого творческого вдохновения. Несмотря на то, что русский реализм ближе к жизни, чем реализм любой другой литературы, он все же больше искусство, чем жизнь.

Подтверждение этому можно найти в личной переписке Гоголя. Он часто жалуется, что никто не присылает ему "копий" из русской жизни. Он тщетно выпрашивает намеки, анекдоты и описания; ему приходится "выдумывать" свои истории и стыдиться того, что приходится "обманывать" своего читателя. В своей бессмертной комедии "Ревизор" Гоголь сатирически высмеивает собственную "неправду", а в Хлестакове, великом авантюристе, которого все принимают за настоящего ревизора, высмеивает самого себя. Ради народа Гоголь соглашается играть "ревизора"! Но гоголевская "неправда" - это просто творческий гений. Выдающийся толстовед Освянико-Куликовский прямо утверждал, что и Толстой был душой не народной, а дворянской. Толстой - "*барин*" (помещик), он думает и чувствует только как *барин*. Тургенева еще при жизни обвиняли в том, что он писал о России, не зная ее, ибо в России он практически не жил.

Однако глубинная душа русского народа нашла прекрасного представителя в Достоевском. "Не судите о русском народе, - призывает Достоевский, - не по тем зверским делам, в которых он часто бывал виновен, а по тем великим и святым делам, к которым он стремится в своей испорченности. И не все люди развратны. Есть среди них святые, которые проливают на всех свой свет, указывая им путь".

Достоевский сам был таким светом и таким святым. В его произведениях ярко и достоверно отражен характер русского человека, такой, какой он есть:

"В русском человеке из народа надо различать врожденную красоту и продукт варварства. В силу событий всей истории России, русский был во власти всякого развращающего влияния, над ним так издевались и мучили, что просто чудо, что он сохранил человеческий облик, не говоря уже о красоте. Но он действительно сохранил свою красоту... и во всем русском народе нет ни одного мошенника или подлеца, который не знал бы, что он подл и гнусен".

Далее Достоевский добавляет: "Нет! О русском народе надо судить не по *тому, что он есть*, а по *тому, к чему он стремится*. Сильные и святые идеалы, которые были их спасением от века страданий, глубоко укоренились в русской душе с самого начала, и эти идеалы наделили эту душу на все времена простотой и честностью, искренностью и широким, восприимчивым здравым смыслом, - все это в совершенной гармонии".

О том, какую роль суждено сыграть русскому народу в мире, Достоевский писал следующее:

"Русский народ - странное явление в истории человечества. Его характер настолько отличается от характера других народов Европы, что до сих пор европейцы не могут его понять и на каждом шагу путают. Все европейцы движутся к одной цели. Но они различаются по своим фундаментальным интересам, которые влекут за собой столкновения и антагонизмы, заставляя их идти разными путями. Идеал универсального человечества неуклонно исчезает из их среды. Русский народ обладает заметным преимуществом перед другими европейскими народами, замечательной особенностью. Русские в высокой степени обладают синтетической способностью - даром чувствовать себя *единым целым* со Вселенной и вселенским человечеством. *В русском нет европейской угловатости, он обладает даром проницательности и душевной щедрости.* Он может приспособиться к чему угодно и может *понять*. Он чувствует все человеческое, *независимо от расы, национальности или фундаментальных идей.* Он находит и с готовностью признает разумность во всем, что содержит хотя бы остатки истинного человеческого инстинкта. Благодаря этому инстинкту он может проследить человеческий элемент в других национальностях даже в исключительных случаях. Он сразу принимает их, стремится приблизить их к своим собственным идеям, "помещает" их в свой собственный разум, и часто ему удается найти отправную точку для примирения конфликтующих идей двух разных европейских наций".⁴

Эта характеристика настолько общая и верная, что все остальные мнения о характере великого народа должны отойти на второй план. В ней найдется место и для казака с его нагайкой, и для Толстого с его Евангелием. Она охватывает все стороны человеческой души. Сам Достоевский обладал синтетической способностью, удивительным даром вселенского понимания. Он мог объяснить, что преступление может быть святым поступком, а святость - проституцией, и в то же время ему удалось соединить в одной душе русское христианство и татарский "карат"⁵. Откуда все эти парадоксы в одном человеке? Однажды он писал: "Я борюсь со своими мелкими кредиторами, как *Лаокоон боролся со змеями*. Мне срочно

нужно пятнадцать рублей. Только пятнадцать. Эти пятнадцать рублей дадут мне облегчение, и я смогу лучше работать". Здесь кроется секрет русского синтеза у Достоевского. Умственная работа ограничена тяжелыми внешними обстоятельствами. Врожденная склонность к унынию в беде - одна из самых больших опасностей для русского человека. Он хотел бы вести созерцательную жизнь и не решается "взяться за оружие против моря бед". Чтобы бороться с этим, ему приходится впрягаться в жесткую практическую работу. Русский должен окрепнуть в борьбе с самим собой, прежде чем он сможет снова взять на вооружение свой идеал агрессивной внутренней жизни. Это снова случай Лаокоона и змеи. Именно по этой причине учение Толстого не понравилось Достоевскому. Прочитав несколько предложений этого учения, он схватился за голову и воскликнул: "Нет, только не это, только не это!". Через несколько дней он умер, и мир никогда не узнает, что собиралось в его голове против великого еретика. Но произведения Достоевского на самом деле сами по себе являются самым яростным опровержением доктрины назарейства - он как будто пророчески предвидел Толстого. Достоевский решает проблему противопоставления европейской культуры и христианства в соответствии и с Церковью, и с культурой. Он преклоняется перед чудом, тайной, авторитетом и тем самым создает союз между материальной и христианской культурой. Он принимает мир как целое, как принимает его и русский народ.

Толстой отрицает божественность Христа и весь синтез русской философии. Но даже Толстой мог родиться только в России. Лично ему нравилось быть принятым русскими крестьянами как один из них. Фигура "Мужика" неотделима от учения Толстого, потому что учение Толстого неотделимо от русского народа. Оно живет в Великом затопленном, который так же далек от западной культуры на деле, как и сам Толстой в теории. Российским судам ежедневно приходится иметь дело с людьми, которые отказываются платить налоги, служить в армии или признавать "православие" священноначалия. Церковь называет таких людей "шкопцами", "молодцами" или "хлыстами". Их насчитывается около двадцати миллионов. Они называют себя "Белыми голубями", "Новым Израилем", "Дохоборцы". В принципе они "чистые христиане", как Толстой. У обоих одинаковый "тон" души. Достоевский говорит о Толстом, что он был из тех, кто устремляет свой взор в одну точку и не видит, что происходит справа или слева от нее, а если и хочет увидеть, то вынужден поворачиваться всем телом, так как *вся его душа* тоже неизменно движется только в одном направлении. Это верно подмеченное упрямство прямо противоположно синтетическому дару и щедрости души, о которых говорилось выше, и эту особенность русского ума часто называли "максимализмом", чтобы обозначить жесткий критерий, который не любит счастливой середины, но всегда доходит до крайности.

Многие западные писатели, среди которых британский автор Беринг, утверждали, что у славян нет силы воли. Это мнение ошибочно и не согласуется ни со склонностью Толстого к крайностям, ни со вселенским милосердием Достоевского. Оно применимо только к тем явлениям славянской жизни, которые доступны европейскому туристу, как, например, технические начинания и колониальное предпринимательство; ибо в этом вопросе славянин, естественно, не так хорошо подготовлен, как англичанин.

Русская душа, а значит, и характер русского народа, многогранны и парадоксальны в своем упрямстве и великодушии. Он является историческим результатом таких крайностей, как желтый позитивистский монголизм и мягкое альтруистическое христианство. Но душа русского народа еще не нашла себе ясного выражения, как души западных народов; во-первых, потому, что голова еще не овладела телом; во-вторых, потому, что работа

просвещения и освобождения только завершается нынешней войной. До сих пор он трудился в своих родовых глотках. Это был Лаокоон, борющийся со змеями.

ГЛАВА IV.

ПОЛЬША И БОГЕМИЯ.

I. Контраст - национальный характер поляков - госпожа Ценстохова - танцующие крестьяне - галицийские поляки - эгоистическая политика - Австрия как славянское государство.

II. Поляки в России - Репрессивные меры России - Славянский идеал - Лучшее понимание - Поляки в Пруссии - Железная пята - Закон об экспроприации.

III. Характерные черты цехов - профессор Масарик - Ян Гус - славянские пуритане - Градчин - современная политика.

I.

Грубо говоря, группа северных славян включает в себя двадцать миллионов поляков и восемь миллионов цехов. Численно, таким образом, они являются самым многочисленным из неосвобожденных славянских народов. Богемия и ее братская страна Моравия находятся под властью Австрии, а Польша расчленена и разделена между Россией, Германией и Австрией. Когда-то обе страны были великими и процветающими и играли заметную роль в истории. В 1526 году Чехи 51 признали Габсбургов своими правителями,⁶ а политический упадок и постепенная потеря независимости Богемии относятся именно к этому моменту. Первый раздел Польши в 1772 году лишил республику свободы. Ее расчленение было окончательно завершено третьим разделом в 1795 году, и отныне поляки были лишены даже возможности сотрудничать как единая нация.

И чехам, и полякам пришлось пережить национальную трагедию, но из них польская трагедия сильнее будоражит воображение благодаря контрасту между их былым величием и нынешним положением, высокому уровню культуры и высоким принципам, поставленным на карту Великой польской революции. Поляки стали жертвами иностранного ига как раз в тот момент, когда их цивилизация, культура и *самосознание* были на пути к тому, чтобы соперничать с интеллектуальным величием Франции времен Людовика XIV. Это был блестящий народ - умственно и интеллектуально утонченный, но физически упадочный и совершенно неспособный сохранить свою политическую свободу. Они поддались унылой сентиментальности и оплакивали свое утраченное величие, вместо того чтобы бороться за его восстановление. Вы можете любить поляков *сердцем*, но никогда - разумом! В этом они являются полной противоположностью Чехов, которых нельзя любить иначе, чем разумом. Вы можете восхищаться их культурой, которую они с таким трудом завоевали, но вы не можете любить их за это.

Для немца и австрийца чех представляет собой комический тип. Но никто не смотрит на поляка как на комика; вы ненавидите его или любите, но вы не можете высмеивать его - в нем есть что-то великое и трагическое. Русские, ненавидящие его по *политическим* мотивам, охвачены религиозным фанатизмом. Они ненавидят иезуитские принципы поляка. Немцы ненавидят польское стремление к управлению, а "польское управление" - это немецкая идиома. Но никто не станет оскорблять польский идеализм и врожденное благородство

поляка. Он сравним с Цехом, как Дон Кихот с Санчо Пансой. Он мечтатель и провидец, который преклоняет колена перед невидимой святыней и ожидает чуда спасения и освобождения. Эта жизнь в мечтах наделила современного поляка сверхчувствительными нервами, догматической односторонностью и крайней пассивностью. Затерявшись в созерцании своего королевского прошлого, польский народ в затаенном молчании ждет первого птичьего крика, возвещающего рассвет свободы, который развеет ночь скорби.

Но в то время как совесть нации распята на горьких страданиях мессианского идеала, массы - простые люди - здравомыслящие и крепкие; они живут и размножаются вдали от горестей классов. Тяжелая жизнь сделала их тупыми и бесчувственными; попав в мир фабрик, шахт и социал-демократии, они интересуются только своими насущными заботами и личными удовольствиями. Все, что сверх этого, они ожидают от посредничества "Богороджицы" (Богоматери).

Виспянский, прекрасный польский драматург, ярко обрисовал национальный характер в одной-единственной сцене своей пьесы "Веселе" ("Свадьба"). Народ танцует свой полонез и мазурку, на плечах у них кокарды и ленты. Красавица-невеста ведет за собой своего жениха-труженика. Вдруг Ясик бросается к танцующим и кричит: "К оружию! Вставайте и восставайте, за Польшу!". Но пары, словно околдованные, продолжают танцевать *национальную* мелодию. Ясик, горько разочарованный, видит, что его надежды рухнули, и, задыхаясь от отчаяния, падает на землю. Но пары продолжают танцевать, и его *на смерть затаптывают* ногами те, кого он пришел вести к свободе. Эта сцена олицетворяет положение дел в современной Польше - отчаяние великого господина с его родословной, обширными землями и капиталом, который совершенно не имеет власти над простыми людьми, потому что они отвернулись от него. Они потеряли свои права, свою землю и свои традиции; единственным связующим звеном между ними остается католический идеал, идеал *польского* католицизма, освященный образом Богоматери Ценстоховской, чье чело окружено короной древних королевен Польши.

Молодое поколение Польши осознало, что эта связь между сословиями и массами должна опираться на более прочный фундамент.

Между аристократией и массами возник класс *образованной бедноты*. В основном это люди русского происхождения, но сыновья польских евреев составляют значительную часть и приобрели значительное влияние, главным образом в журналистском мире. Молодая Польша столкнулась с великой исчезнувшей польской эпохой романтиков и поэтов, с ярко выраженными аристократическими и католическими настроениями. Вся интеллектуальная борьба современного демократического поколения заключается в попытке найти контакт с этим прошлым. Наука также пытается примирить дух настоящего с духом прошлого и надеется подготовить на этом фундаменте будущее развитие индивидуалистической польской культуры.

Контраст между немецкой и польской культурой - это контраст между культурой масс и культурой индивидуума. Главной социальной чертой средневековой Германии был *феодализм*. Германия управлялась рядом феодальных *князей*, Польша - рядом аристократических *семей*. Но этот *режим* оказался губительным для Польши. Государство, где отдельные люди правят по взаимному согласию, должно развиваться иначе, чем то, где семьи правят без всякого взаимного согласия. В экспансивных западных монархиях власть государства росла, в то время как аристократическая республика Польши неуклонно снижалась. Главная причина этого различия, вероятно, кроется в географическом

положении Польши. Она находилась слишком далеко от Запада - слишком далеко от Рима и его культуры.

Провинция Галиция, которая досталась Австрии в результате раздела Польши, несомненно, жила лучше, чем остальная часть страны. В ней проживает 4 252 483 поляка и 3 381 570 русинов (включая Буковину). Будучи географическими и расовыми соседями чехов, которые уже проявляли величайшую решимость в своей национальной борьбе, огромное население могло представлять опасность для австрийской политики. Вена быстро осознала это и выстроила соответствующую тактику в отношении поляков. Как только русские и немецкие поляки начали терпеть бедствие, было легко избавиться от сепаратистских тенденций среди австрийских поляков, напомнив им о положении их братьев. Внутри страны правительство начало с разжигания национальной розни между поляками и русинами. Оно пренебрегало последними в пользу поляков и абсолютно игнорировало их обоснованные требования. Полякам не только были предоставлены большие национальные и политические уступки, они стали славянскими любимцами венского министерства. Их представлял не только собственный "*ландманн-министр*" ("секретарь по Галиции", так сказать), но и еще один важный портфель (обычно финансовый) всегда поручался поляку.

Поляки были вполне довольны таким положением и соответственно поддерживали австрийскую политику. Поскольку эта политика была прежде всего антиславянской, это означало, что самый рыцарский из всех славянских народов становился орудием в руках главного угнетателя славянства. Отчасти это было связано с тем, что этот стойкий католический народ окружен врагами-некатоликами - протестантами-немцами, с одной стороны, и православными русскими - с другой. Кроме того, католицизм представляется им единственной надежной гаванью - отсюда их привязанность к римско-католической Австрии. Здесь также кроется разгадка взглядов поляков, их симпатий и антипатий. Но такая позиция не имеет под собой никаких оснований. Католицизм не является славянской национальной религией и никогда не сможет стать частью души славянского народа. Строго говоря, он несет ответственность за упадок части славянской расы. Все католические славянские страны до сих пор находились в плену, тогда как все те славяне, которые сохранили свою национальную православную религию, *свободны*. Вполне естественно, что поляки держатся за католицизм как за приобретенную религию, которая им импонирует, но они не должны были использовать его как национальную и традиционную основу для своего отношения к остальным славянам. Это ошибка, которая принесла мало пользы их собственным национальным устремлениям и неисчислимый вред славянскому делу.

Во многих славянских кругах существует тенденция приписывать такое отношение поляков не их мессианскому идеалу, а чисто индивидуальному эгоизму. Эта точка зрения хотя бы отчасти верна, но только потому, что польская политика - это политика не нации, а правящего класса. Польская аристократия, которая не могла забыть о своей прошлой славе, увидела в феодальных и аристократических принципах австрийского правительства возможность сохранить свое положение в двуединой монархии. Они в полной мере использовали свои возможности, даже если (теоретически) тщательно оберегали польские национальные интересы. Эта аристократия не испытывала никаких чувств к общему славянскому делу, и всякий раз, когда у них появлялся шанс на власть (Голуховский, Билинский), они проявляли себя как положительная опасность для дела. То, что эта

аристократия наложила свои чары на большую часть образованных классов и сформировала политические партии по своему усмотрению, объясняется врожденной моральной зависимостью поляка от своей аристократии; снобизм - такая же болезнь для него, как и римский католицизм. Однако и среди простого народа не всегда есть беспечные танцоры драмы Виспянского. Они позволяют всему проходить *мимо* них и попирают только то, что случайно лежит у них под ногами. Более того, их душа богата истинно славянскими качествами, но это богатство спрятано, как в быстро закрывающемся ларце, и будет лежать там, пока лучезарная улыбка "Божьей Матери" Ценстоховой чудесным образом не откроет его.

Долгое время польская политика нарушала славянское равновесие в Двуетной монархии. Австро-Венгерская монархия по праву является славянским государством в полном смысле этого слова. Согласно официальной статистике, из 51 351 531 души 22 821 864 являются славянами. Господствующие расы, немцы и венгры, насчитывают между собой 21 259 644 человека, а остальные приходятся на румын, итальянцев и другие национальности. Следует отметить, что славяне, живущие в Венгрии (особенно в Бачке и Банате), во многом против их воли просто записаны в переписи как венгры, и что таким же образом сотни тысяч славян в Богемии, Каринтии, Штирии и Карниоле записаны как немцы. Протесты против этих действий остались без внимания, и для проверки правительственной статистики были созданы Славянские национальные переписные союзы, согласно которым более 50 процентов всего населения составляют славяне. Этот процент пропорционально увеличивается, если включить в него славянских эмигрантов в Австралии и Америке. Их насчитывается около пяти миллионов, и, несомненно, вернулись бы на родину, если бы им были обеспечены более терпимые условия.

И все же эта монархия стремится быть не чем иным, как славянским государством. Немецкое и мадьярское правление стремилось всеми возможными способами захлестнуть славянский элемент. Следуя принципу Меттерниха "*divide et impera*", славяне были разделены на две "сферы". Северные славяне были переданы австрийской автократии, а южные - мадьярской плутократии. Таким образом, получилось, что 9 миллионов немцев управляют 15 миллионами славян, а 10 миллионов мадьяр, евреев или поддельных мадьяр управляют 7-1/2 миллионами славян.

Даже если теоретически баланс сил кажется более рациональным в венгерской сфере, в австрийской он явно абсурдно непропорционален. И здесь поляки стали той соломинкой, которая решила вопрос в пользу германской гегемонии. Если бы поляки признали свой долг перед собственной расой, славянский вопрос давно бы встал на более прочную основу. Справедливое соглашение с рутенами и совместная национальная борьба с чехами, несомненно, нарушили бы господство Германии или заставили бы ее предоставить более терпимые условия всем славянам. Но галицкие поляки никогда ничего не делали для славянского дела в монархии, а стремились скорее задобрить венское правительство и, отказавшись от родства, добиться уступок для своих отрицательных национальных идеалов, а также для своего интеллектуального и экономического развития. Австрия не возражала против этого платонического национализма до тех пор, пока поляки своей прогерманской политикой поддерживали ее в угнетении других славян.

Чехам и русинам такая позиция поляков особенно мешала в их национальной борьбе. В результате между поляками и рутенами возникла непримиримая вражда, которая, если не сказать больше, поощрялась правительством. В этой борьбе русины, несомненно, оказались

в худшем положении. Они составляют национальное меньшинство в Галиции и жестоко угнетаются поляками, которые ненавидят их еще больше за то, что они являются потомками ненавистных русских (малороссов) и за то, что они отказываются скрывать свои симпатии к России. Рутены упорно боролись за право говорить на своем языке и иметь собственную систему школьного образования. Но поляки безжалостно противостояли этим требованиям, которые, в свою очередь, были отвергнуты правительством. В итоге борьба переросла в массовые доносы на русинов со стороны поляков, которые обвинили своих врагов в государственной измене и сговоре с Россией.

Следует, однако, признать, что и среди поляков было немало тех, кто глубоко сожалел об этой братоубийственной борьбе и делал все возможное, чтобы склонить северных славян монархии к общему делу. Цехские патриоты снова и снова убеждали в желательности союза, а поскольку подобные призывы поступали и из других славянских стран, осуществление истинного *панславянского* и *демократического* идеала часто казалось неминуемым. Призрак *пангерманизма*, ожидающий, как хищное чудовище, чтобы поглотить славянские народы конечность за конечностью, появлялся даже у поляков, но недобросовестные политики, бюрократические выскочки и скользкие дипломаты из Вены придумывали для устрашения козни *русификации*, и все патриотические усилия были тщетны.

Тем не менее, психологически интересно, что славянская раса через страх перед русификацией должна была броситься в объятия германизма.

II.

Благоприятное положение поляков в Австрии резко контрастирует с положением их братьев в России и Германии. Их всячески притесняли; *официальная* политика России в отношении поляков носит отпечаток самодержавной тирании. Их политические права ограничены до минимума, а в отношении гражданских прав они находятся почти в таком же положении, как и российские евреи. Но характерно, что причина такого угнетения кроется не в национальном, а в религиозном элементе. Римский католицизм, который был преимуществом для австрийцев, оказался несчастьем для русских поляков. Ведь русский смотрит на католицизм как на антитезу своему представлению о славянском идеале. Православянская Россия, с ее древними, удивительно чистыми славяно-религиозными традициями, со всей теплотой ее веры, не могла принять надменных, фригидно-холодных поляков-католиков. Огромная политическая власть Святейшего Синода, верховного (к сожалению, слишком клерикального) представительного органа этой веры, оказывала неблагоприятное для польского народа влияние, а российское правительство, которое слишком часто было простым исполнителем воли Святейшего Синода, установило самодержавный *режим* с далеко идущими национальными и личными ограничениями. Первым результатом такой политики стала неприкрытая ненависть поляков, жажда мести и свободы. Русские поляки интриговали против своих австрийских братьев и завидовали их привилегированному положению. Но единственная поддержка, которую австрийские поляки оказывали своим братьям, заключалась в том, что они применяли к русинам русские методы угнетения.

Тот, кто хоть что-то знает о репрессивных мерах России, поймет, что поляки оказались в тяжелом положении. Из-за пассивного характера поляков их борьба никогда не была достаточно организованной, чтобы принять масштабы хорошо организованной революции. Но угнетение укрепило их национальную уверенность в себе, их идеалы горели ярче, и тоска по свободе полностью доминировала над ними. И все же даже сейчас они гораздо более

склонны ждать чуда, чем прилагать усилия для достижения своей цели; и если в последние годы их положение несколько улучшилось, то не столько благодаря их собственным усилиям, сколько благодаря волне современной мысли среди самих русских.

Правительственная политика России не делала различий между поляками и ее русскими подданными, жаждавшими социального возрождения. Поэтому русские сами обнаружили, что должны искать дружбы и сотрудничества с поляками. Широкий горизонт современного русского движения не позволит исключить ни одного способного члена великого царства царя из благ будущего. Не только русский народ, но и вся Россия должна была быть привлечена к делу великого идеала. Возрождение России должно было стать предвестником возрождения всей славянской расы, и поляки как славяне имели право помочь в этом деле. Русские всегда говорили, что они очень любят поляков, но что они недостаточно *славяне* - их нужно славянизировать. Российское правительство пыталось добиться этого насильем, в то время как *русский народ*, представленный русскими революционерами, выбрал лучший путь взаимопонимания и уважения. Конечно, официальная политика Святейшего Синода остается в силе, и хотя конституционный манифест и Дума внесли определенные изменения, в настоящее время они не имеют большого значения. Однако поляки завоевывают все больше друзей и сторонников среди русских, которые ратуют за равноправие и конституцию для Польши. Кроме того, времена изменились, и когда Россия столкнулась с нынешним великим европейским кризисом, поляки проявили удивительную лояльность, которая, возможно, невольно приблизила их к осуществлению их мечты, как никогда ранее. Манифест великого князя Николая Николаевича - величайшее событие в истории Польши со времен раздела.

Самая тяжелая участь выпала на долю тех поляков, которые были наиболее преданы своей расе. Я имею в виду тех, кто оказался под властью Пруссии. В то время как в Австрии польское славянство терпимо, а в России даже поощряется, в Пруссии оно безжалостно уничтожается под железной пятой германизма. Германизация осуществляется прусским правлением агрессивно, в строго военном смысле. Речь не идет о политической тактике - не учитывается мнение ни внутри страны, ни за рубежом; нет ничего, кроме откровенного принуждения. Амбиции Германии слишком хорошо известны - они достаточно громко рекламировались, и совсем недавно они были вновь изложены в печально известной книге генерала фон Бернгарди "Германия и следующая война" - книге, написанной со всей наглой дерзостью, на которую способен только немец. Если будущая программа Германии включает в себя германизацию всей Европы, то, конечно, излишне подробно рассказывать о том, как она пыталась германизировать народ под своей властью - это одна из самых черных глав в истории угнетения.

По конституции Германии прусские поляки не могут лишиться своих прав граждан королевства. Это обстоятельство дало им возможность изложить свои претензии в законодательных собраниях. Но, несмотря на их доблестное мужество, эта борьба не принесла им никаких особых преимуществ, кроме морального удовлетворения от осознания того, что их мольбы дошли до слуха Европы. Но всякий раз, когда их голос становился слишком громким, на их губы обрушивался кулак с гвоздями и лишал их дара речи. Когда немецкий рейхстаг принял закон об экспроприации польских земель (1886)⁷, вся Европа была в скандале; но с точки зрения германизации он оказался весьма успешным. Германия проигнорировала мнение иностранцев, и закон был введен в действие.

Остается надеяться, что окончание нынешней европейской войны положит конец страданиям этих мучеников, и что всему польскому народу будет предоставлена

возможность применить свои многочисленные восхитительные качества для собственного благополучия и для объединения славянской расы.

III.

Цехи всегда были сильным, упорным, энергичным народом, и не успели они почувствовать железный кулак своих угнетателей, как открыли против них решительную кампанию и направили свои силы против тиранов. Дюйм за дюймом они отвоевывали у своих угнетателей свою нынешнюю цивилизацию.

Выдающийся чешский политэконом, профессор Масарик, восхитительно прогнозирует будущее своего народа. Он говорит: "Гуманистический идеал, идеал возрождения, имеет для нас, чехов, глубокое национальное и историческое значение. Полное и искреннее понимание идеала человека перекинет мост через духовные и этические мечты веков и позволит нам идти в авангарде человеческого прогресса. Гуманитарный идеал цехов - это не романтическое заблуждение. Без работы и усилий гуманитарный идеал мертв; он требует, чтобы мы повсеместно и систематически противостояли всему дурному, всей социальной *бесчеловечности* - как у себя дома, так и за рубежом, со всеми ее клерикальными, политическими и национальными органами. Гуманитарный идеал - это не сентиментальность - это работа, работа и еще раз работа!"

Все это ни в коем случае не является характеристикой народа Цех, а лишь прогнозом того, каким он будет. Политическая тактика всегда должна соответствовать принципам порядочности и гуманности. Далее Масарик говорит: "Наша слава, наши войны и наше вмешательство в прошлом носили религиозную, а не национальную печать. Наш *национальный* идеал родился совсем недавно - он принадлежит только прошлому, а особенно нынешнему веку. История Богемии не должна оцениваться с этой точки зрения".

Возможно, эта программа окажется слишком исторической и слишком непрактичной для сегодняшнего дня. Небольшая торгово-промышленная нация цехов слишком далека от эпохи Яна Гуса, и цехская реформация утратила для них свое значение. Но в глубине души цехского народа все еще живет искра гуситского духа. Конечно, боевой клич - националистический, формулировки - двадцатого века, но глубинный дух ничем не отличается от праведного негодования Гуса, когда он проповедовал против грубого угнетения и насилия. Физически неполноценный человек никогда не стремится к тому, чтобы его дела решались с помощью физической силы. Поэтому для цехов не безразлично, борются ли они за высшие принципы или только за материальную выгоду. В настоящее время они в основном борются за свой язык, за право говорить на своем языке - они борются против германизации. Их самое сильное оружие в этой борьбе - стремление к экономическому процветанию - физическая сила, с помощью которой они могут надеяться на духовную победу.

Главная черта характера Цеха - *унициатива*. На это указывает само название, ведь "Чех" происходит от старославянского слова "ченти", что означает "воля" или "начало".

История свидетельствует о том, что цехи были в авангарде всех славянских племен в их странствиях на запад. Их легендарным вождем был Цех, один из трех братьев, и его племя проникло дальше всех. В средние века цехи первыми бросили вызов власти Рима, и по сей день они отправляют во все уголки мира множество предприимчивых эмигрантов. Но у цехов есть один большой недостаток - они непостоянны. Их энтузиазм быстро вспыхивает и так же

быстро угасает. В этом причина провала гуситской реформации. Немцы закончили начатое цехами - Лютер стал преемником Гуса и завершил его дело.

По своей природе чехи не являются торговым и промышленным народом. Их деловые способности порождены необходимостью - это оружие, а не средство получения прибыли. Она поддерживается неустанной агитацией со стороны национальных лидеров, и если национальный идеал чехов потерпит крушение, то финансы, амбиции и промышленность чехов также погибнут.

Некоторые славянофильские мыслители исключают цехов из группы славянских народов только за их инициативность и деловитость. Русский этнолог Данилевский называет цехов чудовищем, немецким народом со славянским языком. Но эти люди упускают из виду, что фундамент современного процветания цехов был заложен религией цехских братьев. Во время католической реакции цехские протестанты были изгнаны из своих владений, и с ними обращались как с пришельцами в собственной стране. Будучи вынужденными искать новые средства к существованию, они обратились к промышленности. Торговля и города были для них закрыты, и братьям-чехам пришлось искать убежище в богемских и моравских горах, а также в Орлицких горах. Они стали ткачами, резчиками по дереву и шахтерами и заложили основу современной великой богемской текстильной, стекольной и фаянсовой промышленности. Религиозные соображения и ничто другое превратили чехов в меркантильную нацию. Богатство Англии также проистекает из религиозного движения - подъема пуританства. Бережливость и промышленность привели к накоплению капитала. Только религиозный человек понимает, что такое труд и бережливость, и только он знает, как использовать капитал в качестве морального рычага. По этой причине было бы неправильно принимать взгляды российского этнолога. Цехский народ, *каким он является*, имеет право на свое будущее и свободу.

В центре Праги, на вершине Градчина, возвышается старый королевский замок Цех, великолепный памятник былого величия. Гордый и величественный, видный издали, он говорит цехскому народу о тех временах, когда он укрывал не иноземных захватчиков, а плоть от плоти, цехских королей и князей их собственной крови. И даже будучи памятником прошлого, он также является маяком для настоящего и будущего. Когда заходящее солнце заливает Градчин и Замок своим багровым сиянием, кажется, что на камнях отражается вся кровь чехов, пролитая в защиту права и свободы. Но королевское великолепие исчезает вместе с солнцем, и тень ночи опускается на Град и высоту, как символ мрака нынешнего времени. День за днем, с горящими глазами, Цех читает бессловесное послание. Но он не предается мечтам, не погружается в глубокую меланхолию и не ждет чуда. Он сжимает кулак и улыбается мрачной улыбкой неутомимого воина. Его непостоянство во времена Реформации лежит на его совести как грех, но ее идеалы наложили на него свой отпечаток и заронили в его душе семя *политической* реформации. В этом вопросе чехи занимают лидирующее положение среди всех славян Австро-Венгрии.

Я уже упоминал, что в некоторых славянских кругах на чехов смотрят как на немцев со славянским языком. Но если их промышленное и торговое процветание и некоторые индивидуальные особенности придают этому мнению некоторую окраску, то оно полностью опровергается активностью цехов в славянском национальном и политическом деле. Своей упорной и *прогрессивной* борьбой против германизации чехи подали остальным австрийским славянам тактический и практический пример того, как следует вести эту

борьбу - *тактически* по конституционной линии, а *практически* - с несгибаемым мужеством и упорством.

Несмотря на долгое подчинение абсолютному самодержавию, цехи превратились в настолько сильный политический фактор, что даже Вена стала опасаться веса их руки. Они добились этого не только из чувства самосохранения или сепаратистского эгоизма, как поляки, но славянский идеал проходит, как золотая нить, через все, что они сделали; это их девиз, задача и цель. Они были осаждены с трех сторон: австрийскими немцами во всем их могуществе, польской оппозицией, а также мадьярской агитацией и враждебным влиянием в Вене. Депутаты-южные славяне в рейхстаге были их единственными помощниками в неравной борьбе. Но они не ослабляли своей энергии и не уступали завоеванных позиций.

Национальная борьба в Чехии приобрела свою нынешнюю форму в первой половине XIX века, и сначала она, как и в других славянских странах, была сосредоточена вокруг "культурных" интересов. Необходимо было утвердить и даже разжечь до пламенного энтузиазма любовь народа к своему языку, а также способствовать развитию национального образования путем создания национальных школ на Цехе. Государство отнюдь не стремилось к просвещению народа, и количество школ, содержащихся в стране, было совершенно недостаточным. Фискальные школы были полностью немецкими и служили для распространения немецкой пропаганды. Но образованные классы Цеха основали школы за свой счет, а также "Школьный союз" (Matica Školska), который взял на себя организацию этих школ. Это был эффективный контрудар по германизации, а также хорошая основа для дальнейшего успеха. Палацкий, Коллар и Гавличек были лидерами национального движения того времени.

Палацкий был тем источником, из которого черпали вдохновение остальные. Он был великим мыслителем, блестящим автором и осторожным, либерально настроенным политиком, которого можно считать основателем современной чешской национальной жизни. От него исходил свет, указывающий путь, по которому должны идти эти люди. Коллар, поэт и публицист, и Гавличек, политик и политэконом, разделили с Палацким руководство Чеха и проложили путь для великого национального интеллектуального движения, которое шло в ногу с национальным политическим движением. Они основали сильную националистическую партию в Богемии ("Старые цехи") в оппозиции к венскому правительству. Со своим большинством в ландтаге и появлением в венском парламенте цехи стали фактором, с которым правительство должно было считаться как во благо, так и во зло, - народом, который отказывался быть изгнанным. Богемия, которую официальная Австрия любит считать немецкой страной, должна была быть разделена на "сферы". Государство должно было оплачивать содержание цехских школ, а администрация стала двуязычной! Конечно, в соответствии с обычной политикой правительства, многие населенные пункты Чеха были включены в немецкие сферы и быстро стали предметом споров. Матица Школьская" основала больше школ в этих районах, чтобы предотвратить германизацию цехских детей, в то время как немецкие школы продолжали вести неофициальную пропаганду при молчаливой поддержке правительства. Такое положение дел приводило к постоянным волнениям, которые часто перерастали в беспорядки и кровопролитие. С появлением "Молодых цехов" борьба приняла более резкий и решительный характер, поскольку эта партия стремилась к созданию чисто цехского правительства в Богемии и пропорциональному участию в управлении имперскими делами. Им неоднократно удавалось разрушить австрийское правительство, а при принце Гогенлоэ они были так сильно представлены в кабинете министров, что им удалось сделать свою власть ощутимой. Молодые Цехи" оказали большую помощь национальному делу в Богемии,

а также способствовали развитию славянского дела своим энтузиазмом в борьбе за общеславянский идеал.

Один из их лидеров, доктор Крамарж, который был очень дружен с Россией, был особенно активен в этом деле. Хотя "Молодые чехи" по-прежнему являются ведущей партией, в последние годы наблюдается рост партий, еще более радикальных в своих требованиях. Социал-националы и цехские радикалы хотят видеть Чехию абсолютно автономным государством, в то время как последователи профессора Масарика ставят своей целью возрождение цехской расы на иной основе (см. начало статьи).

После последней балканской войны, которая произвела глубокое впечатление на всех австрийских славян, события в Чехии развивались стремительно. Из-за бескомпромиссной позиции, занятой различными партиями, правительство распустило богемский ландтаг, приостановило действие конституции и передало управление в руки комиссии, назначенной правительством и ни перед кем не ответственной. В ответ на это чехи устроили в венском парламенте жестокую обструкцию и настолько парализовали работу палаты, что ее пришлось распустить на неопределенное время. Чехи потребовали немедленного созыва ландтага. "Нет ландтага - нет австрийского парламента", - таков был их девиз, и они твердо стояли на своем. Когда разразился кризис в отношениях с Сербией и началась война, парламент не смог выработать никакого отношения к этим событиям, и единственным конституционным органом монархии, способным их урегулировать, стал венгерский парламент.

ЧАСТЬ II.

ЮГОСЛАВИЯ. (ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ.)

ГЛАВА V.

БОЛГАРИЯ.

Страна и народ - становление болгарского государства - отношения с Россией - немецкое влияние - Александр Баттенбергский - король Фердинанд - неотложный долг Болгарии.

Хотя на исторических основаниях утверждается, что болгары - смешанная раса и просто "славянизировались" под влиянием соседних славянских рас, они, безусловно, должны быть включены в великую славянскую семью. Во многих отношениях они всегда держались в стороне от славянского идеала и категорически предпочитали стоять особняком, но, тем не менее, в прошлом они оказали большую услугу славянскому делу и часто боролись за него с истинным энтузиазмом. На заре христианства болгары также много сделали для славянской культуры через Богумилов (секта реформаторов, о которой пойдет речь в главе о южных славянах), которые распространяли религиозное просвещение, а через староболгарский язык заложили основы других славянских языков. Болгары, которые когда-то были хозяевами

великой империи и имели всемирное значение при Симеоне Великом, 78 разделили вековую трагедию всех восточных славян, и то, что они вышли из турецкого рабства сильным, самодостаточным народом, говорит об их национальном характере. Тот, кто хорошо знает болгар, не может не уважать их, даже если они не вызывают большой любви. Я считаю, что как раса они не любят - они предпочитают вызывать уважение. Нежный, мечтательный, жаждущий любви элемент в характере других славян полностью отсутствует в них, и даже их огонь и энтузиазм - это не вопрос чувств, а практическая необходимость - почти вопрос математического расчета. Трудолюбивые и бережливые, как ни один другой славянский народ, хладнокровные и расчетливые, они по праву получили название "славянские японцы". Их тип очень интересен и значительно отличается от типажа других славян. Почти все без исключения мужчины красивы и крепко сложены, тогда как внешность женщин портит широкая скуластость и плотное телосложение. Как и большинство славянских народов, они в основном фермерами и скотоводами, а поскольку страна плодородна, они получают неплохой доход от экспорта зерна, полевой продукции и скота.

Хотя болгарская интеллектуальная жизнь берет свое начало в народе, а болгары по сути являются демократической нацией, необходимо проводить различие между образованными классами и простым народом. Болгарский крестьянин - очень хороший парень; физически он очень активен, умственно довольно спокоен, он занимается своим делом в спокойной обдуманной манере, и его нелегко расстроить. Его пища очень проста, он практически не употребляет алкоголь и, благодаря своему умеренному образу жизни, доживает до глубокой старости. Все население насчитывает около четырех миллионов человек, и процент столетних людей среди них больше, чем среди других народов. Болгары очень любят музыку и танцы, но своей музыки и поэзии у них нет, а то, чем они владеют, заимствовано у турок и других восточных народов. Путешественник часто может встретить в болгарской деревне настоящий танец наутч, а также услышать песни, исполняемые на чисто турецкие мелодии. Если болгары и имеют какое-то преимущество перед другими славянами, то оно заключается в красоте их неискаженной православной веры. Этот народ узко религиозен, и до сих пор его религия представляет собой зенит его культуры. В этом отношении они похожи на русских и всех славян, сохранивших славяно-православную веру. Излишне говорить о боевых качествах болгар - Киркилис, Луле-Бургас и Адрианополь дали достаточно доказательств этого.

Образованные классы отличаются от народа двумя чертами: они свободомыслящие и ссорящиеся. Религия культивируется среди них как мода, а церкви стали просто местом встреч, как в Париже, Берлине и Вене. Но, несмотря на все это, нельзя не признать, что образованные слои Болгарии - прекрасные социальные организаторы, хотя политически и интеллектуально они не особенно блестящи. То, чего достигли эти люди в социальной сфере за короткое время, прошедшее после эмансипации, просто поразительно. В этом отношении Болгария стала по-настоящему современным государством. Однако эта положительная сторона затмевается бесчисленными ошибками, которые они совершили в других отношениях. Худшая из них - это их слепота в политическом управлении. Болгарская политика выродилась в разрушительную партийную систему и в значительной степени ответственна за трагические события последних лет, в которые оказалась вовлечена вся страна, и особенно невинная масса народа. Главная черта образованного болгарина - недоверие ко всем; он не ограничивает это недоверие чужаками, но распространяет его даже на своего царя и лидера собственной партии.

До сих пор интеллектуальная Болгария создала очень мало, и это малое несопоставимо с достижениями некоторых других, гораздо более мелких славянских народов. Болгарское

искусство и литература являются лишь плохим воспроизведением иностранных оригиналов и ни в коей мере не выражают силу и жизнеспособность народа. Из всех поэтов только Иван Васов, Христофоров и Алеко Константинов поняли душу народа, и только их произведения будут жить. В искусстве мы тщетно ищем что-либо чисто болгарское. Но есть одна величайшая вещь, которую образованные болгары сделали для своего народа, и за нее они заслуживают настоящего лаврового венца. Я имею в виду организацию македонских банд в течение последнего полувека. Их упорство и героизм вызывают величайшее восхищение.

Страна, принадлежащая болгарам, - одна из самых красивых, населенных славянами. С ней могут сравниться только Далмация и Босния, и тот, кто побывал там однажды, никогда ее не забудет. Это земля великих Балкан во всей их дикой красоте - земля Казанлыкской долины с ее обширными великолепными розовыми полями; Врацкого ущелья с его романтическими скалами, темными девственными лесами и холмами, покрытыми сиренью; Черного моря, прекрасных берегов Варны и Бургаса, а над всем этим возвышаются заснеженные вершины Витоши. Везде и во всем кипит жизнь, полная разнообразия и контрастов, красивая, как мужчины Болгарии, и суровая, как их женщины.

Болгария была освобождена от турецкого ига в 1878 году. Работу по освобождению проводила Россия с помощью болгарских отрядов и многочисленных добровольцев из всех славянских стран. По Сан-Стефанскому миру Болгария *де-юре* была объявлена хозяйкой всех территорий от Черного моря до Силистрии и вдоль Дуная до Видина на севере, от Видина по Мораве через Охрид до Янины на западе, от Янины через Салоники до Кавалы на юге и по прямой линии от Кавалы до Варны на востоке. *Де-факто* она получила независимую юрисдикцию только над теми территориями, которыми владела до первой Балканской войны. Полное освобождение Болгарии ни в коем случае не было достигнуто в результате эмансипации, и она продолжала оставаться под турецким сюзеренитетом.

Первой задачей после освобождения было восстановить страну по образцу современного европейского государства и вдохнуть в нее новую жизнь после стольких веков турецкого господства. Образование было представлено исключительно священниками и школьными учителями, которые трудились над просвещением народа еще до эмансипации. Конечно, было несколько болгар, получивших европейское образование и окончивших европейские университеты, и на них возлагалась задача решения проблем новообразованного государства. Однако их было так мало, что на первых порах многие культурные люди были импортированы из других славянских стран, в основном из России, Хорватии и Богемии. Военное управление было возложено на Россию, которая создала в Болгарии свои гарнизоны и взялась за создание болгарской армии. Учитывая переходный период, в котором находилась страна в то время, было неизбежно, что русские военные власти должны были получить значительное влияние и на гражданскую администрацию, и что болгарские дела с самого начала попали под российское влияние.

Принц Александр Баттенбергский, первый болгарский правитель, вступил на престол в тех же условиях, что и король Кароль на трон Румании. Перед ним стояла сверхчеловеческая задача, и болгарская история никогда не сможет отрицать ту огромную услугу, которую он оказал стране. Он приехал с определенной миссией и принялся за работу с максимально возможным рвением. Он посвятил свое внимание, прежде всего, образованию народа и армии, и в самом народе он нашел своего самого энергичного союзника. Быстрая эффективность школьной системы сделала бы честь многим более современным государствам. Болгары умны, настойчивы и любят учиться, и народное образование

достигло огромных успехов. В настоящее время процент взрослых болгар, не умеющих читать и писать, очень мал по сравнению с большинством других стран - 2-1/2 процента взрослого населения. Национальная система обязательного образования затронула как беднейших крестьян, так и лучшие слои населения. Еще до основания средних школ в стране большое количество юношей отправлялось в зарубежные средние школы и университеты, и каждый год давал свою квоту хорошо подготовленных молодых людей, способных стать движущей силой для государственного механизма. Такая же целеустремленная энергия характерна и для военной организации, с намерением сформировать независимую, чисто болгарскую армию. Ибо, несмотря на свое огромное восхищение Россией и царем-освободителем, князь Александр чувствовал, что зависимость от России - особенно военная зависимость - сделает его страну вассалом России *де-факто*, не меньше, чем она уже была вассалом Турции *де-юре*. Поэтому он стремился сделать русскую военную администрацию в Болгарии излишней, создав эффективную домашнюю армию.

Как только это было сделано, он отправил благодарственное письмо царю, выступил с публичным манифестом, дал большой обед русским генералам и с благодарностью отказался от сотрудничества с Россией. После этого русским генералам пришлось покинуть Болгарию. Никто не может отрицать, что князь Александр проявил себя мужественным и самостоятельным человеком, приняв это решение, продиктованное очень правильным честолюбием. Но он смертельно обиделся на Россию и с этого момента полностью потерял ее расположение. Придворные круги в Петербурге, с самого начала враждебные ему, теперь начали интриговать против него в Болгарии, и их усилия нашли готовый отклик в прорусской партии. Первая сербская война 1885 года стала великолепным доказательством военной организации Александра, но его влияние было слишком подорвано, и даже победы не смогли его спасти. Прилив неблагоприятных обстоятельств был слишком силен и привел к неизбежному, но, к счастью, бескровному *государственному перевороту* в 1886 году. Князь Александр был ночью похищен из своего дворца, перевезен через границу и официально свергнут.

Князь Александр оставил Болгарии хорошо организованное государство, нарушаемое лишь внутренней партийной враждой. Новый правитель, принц Фердинанд Кобургский, был принят с разделенными симпатиями. Его путь уже во многом был сглажен, но он встретил гораздо большее сопротивление со стороны собственного народа, чем его предшественник, которого поставила Россия. Несмотря на все это, государственный механизм продолжал идти по пути прогресса, конституция страны была создана на широкой либеральной основе, а армия год от года становилась все более значимой. С железным упорством Болгария неуклонно продвигалась вперед, чтобы занять свое место среди современных государств, и даже сумела занять лидирующее положение в балканском вопросе. Провозглашение Фердинанда царем Болгарии раз и навсегда покончило с тенью турецкого сюзеренитета, и с тех пор Болгария открыто признается сильным, свободным и независимым государством.

За годы своего существования болгарские отношения с Россией прошли через множество этапов, особенно в период правления царя Фердинанда. Как правило, воля России была решающей, но ее общее влияние всегда зависело от внутренней политики и менялось в зависимости от партии, стоящей у власти. Энтузиазм по отношению к России и антагонизм против ее влияния попеременно были в порядке вещей. Только народ Болгарии оставался неизменным в своем доверии и привязанности к России; он никогда не мог забыть, чья рука освободила его, и даже политические перемены не могли поколебать его. Определенные

политические круги взяли освобождение от России как свой партийный клич и надеялись сделать страну великой *вне* российского протектората. Они хотели превратить свой лозунг "Болгария для болгар" в абсолютный факт. Основателем этой партии был небезызвестный Стамбулов, и всякий раз, приходя к власти, они настойчиво считали национальным врагом не только Россию, но и болгарский *народ*, который симпатизировал России, и делали все возможное, чтобы тиранить народ от этой "болезни". В борьбе за эту идею они придумали партийную лозунг "Великая Болгария", надеясь подкупить народ обещаниями Македонии, Сербии, Греции и даже Константинополя в качестве будущих лакомых кусочков. Эта партия прекрасно понимала, что Россия никогда не допустит нарушения славянского равновесия на Балканах, и, поскольку ее симпатии не были слишком славянскими, она вела ожесточенную борьбу против русского протектората, под которым все балканские славянские народы должны были получить равные выгоды. В противовес партии Стамбулова возникла другая, основанная Каравеловым, величайшим из болгарских патриотов, который боролся со всем энтузиазмом, на который способны благодарные сердца. Каравелов ясно видел, что Болгария еще долго будет слишком слаба, чтобы устоять в одиночку, и что российский протекторат является надежной гарантией от иностранного враждебного влияния. После смерти Каравелова его идеи нашли горячих сторонников в лице Чанкова, Радославова и Данева, несмотря на мелкие тактические партийные разногласия. Насильственная смерть Стамбулова - его убили на открытой улице - положила конец *режиму* его партии на долгие годы и привела к власти умеренные прорусские партии. Но его политика нанесла глубокий ущерб Болгарии. Он оставил в наследство раздор и ненависть внутри страны и вызвал недовольство России за рубежом. Новое пророссийское правительство сделало все возможное, чтобы устранить разрыв, и добилось улучшения отношений с Россией, но приверженцы Стамбулова всячески агитировали за восстановление радикальной антироссийской партии. В лице Душана Петкова и Евлогия Генадиева они имели энергичных лидеров, которые добивались своей цели со всем характерным болгарским упорством и беспощадной настойчивостью, которая была положительно азиатской. После того как Фердинанд установил в Болгарии личный *режим*, они поняли, что поворот колеса фортуны зависит уже не от нравов народа или силы партии, а от *воли правителя*, и довольствовались тем, что откладывали время. *В народе у них не было никаких сторонников*. Но какая бы партия ни оказалась у власти по воле правителя, она гарантированно получает большинство в парламенте. Выборы неизменно манипулируются террористическим давлением со стороны властей. Нет никакой разницы, кроме того, что в то время как пророссийские партии довольствуются демагогическими средствами, стамбуловцы прибегают к кровопролитию. Наконец, стамбуловцы добились успеха; они пришли к власти в 1902 году - (в соответствии с желанием высшей власти в стране) - и установили правление террора, равное по своей жестокости правлению самого Стамбулова, но побившее все предыдущие рекорды по уровню коррупции. Стамбуловцы имели сокрушительное большинство в Собрании и проводили политику тайных провокаций против России и народа. Премьером стал генерал Ратшо Петрофф, личный фаворит короля Фердинанда и абсолютное ничтожество, но фактическим диктатором и лидером партии стамбуловистов был Душан Петков, министр внутренних дел. Политика правительства вновь приобрела антироссийскую направленность, но тем временем народ выработал и упорно проводил иную политику. Конечно, по принуждению они отдали правительству *большинство*, но не свое сердце, и это сердце теперь принадлежало России больше, чем когда-либо. Эти настроения нашли свое выражение в различных бурных демонстрациях; кульминацией стало убийство Петкова (также на открытой улице) и оскорбления в адрес короля Фердинанда, когда он ехал на открытие Национального театра в Софии. С этого момента болгарская политика приняла совершенно новый оборот, и на какое-то время стало казаться, что славянский ренессанс

действительно укоренился и Болгария наконец-то обрела себя. Балканский союз перед войной, безусловно, казался убедительным доказательством этого.

Отношения Болгарии с Сербией менялись так же, как и отношения с Россией, но с той разницей, что в этих взлетах и падениях нация всегда была едина. Недоверие болгар к Сербии возникло с момента обретения ею политической независимости. Вместо того чтобы попытаться урегулировать свои разногласия в братском духе и устранить македонскую кость раздора, установив сферы интересов, обе стороны - особенно Болгария - разжигали в себе вражду, которая могла быть только взаимно пагубной. Фактические пограничные столкновения подливали масла в огонь, и ситуация неуклонно ухудшалась. Можно с уверенностью сказать, что между сербами и болгарам никогда не было потерянной любви, даже если политический оппортунизм временами диктовал более дружелюбное отношение. Многие проникательные болгарские политики часто пытались способствовать более сердечному и добрососедскому взаимопониманию между двумя государствами ради славянского дела и общего блага, и их сербские коллеги преданно поддерживали их в этом. Но их работа всегда срывалась из-за недоверчивого отношения Болгарии, которое даже усиливалось под иностранным влиянием. В 1885 году народ вступил в войну с Сербией с единоклубным энтузиазмом и кровожадной злобой, почти немыслимой между братскими народами. Война была ожесточенной, и судьба благоволила Болгарии, но вместо того, чтобы довольствоваться своим успехом и проявить лучшее качество победителя - человечность, болгары только все больше ожесточались в своей ненависти к Сербии и проявляли ее в оскорбительных насмешках. После поражения сербы, очевидно, не могли чувствовать себя очень дружелюбно по отношению к своим соседям, но я не думаю, что они ненавидели их в душе. Но по тем или иным причинам найти путь к дружбе было невозможно. Болгары заявили, что их разногласия с Сербией ни в коем случае не могут быть решены в этой войне и что македонский вопрос должен быть решен бесспорно. Таким образом, война продолжалась, к сожалению, не только пером, но и оружием, так как сербские и болгарские отряды в Македонии воевали друг с другом более ожесточенно, чем с турками. Дела шли все хуже и хуже для обоих народов, и особенно для славянского дела на Балканах. Россия приложила все свое влияние, чтобы примирить обоих, но не добилась никаких результатов, кроме обещаний внести поправки. Несколько влиятельных славянских деятелей были столь же безуспешны, пока молодежь южных славян не вошла в списки с новым планом кампании и не атаковала проблему с *точки зрения культуры южных славян*. Писатели и художники Хорватии и Славонии, которые долгое время находились в дружеских отношениях с Сербией, сделали своим делом привлечение болгар к делу культуры южных славян. Поскольку интеллектуальная молодежь Болгарии в то время переживала фазу национального возрождения и стремилась расширить свой кругозор, эти усилия упали на плодотворную почву. Вскоре в Белграде, Софии и Загребе были организованы совместные выставки южнославянских художников, и в каждом случае одновременно проводился авторский съезд. Благодаря этим встречам и взаимному общению многие острые углы сгладились, а многие разногласия были ликвидированы, в основном с помощью хорватов. Сербь и болгары, встретившись лицом к лицу, наконец-то поняли, что они братья, у которых общее будущее. Выставка в Белграде совпала с коронацией царя Петра, и мы стали свидетелями неожиданного зрелища: болгары приветствовали царя с таким же энтузиазмом, как и сербы. Это были дни братства и товарищества. Представители болгарского искусства и литературы серьезно и искренне отнеслись к своей миссии, оказавшись настоящими апостолами мира и дружбы между двумя народами. Они добились значительных успехов, так как волна взаимной вражды спала, и когда царь Петр приехал в

Софию с официальным визитом, ему был оказан прием, выражавший не только пышность и торжественность двора, но и сердечное радушие дружественного народа. Не следует забывать, что в этом *сближении* добрую услугу оказали те политические деятели обеих стран, которые настойчиво делали все возможное для улучшения взаимных отношений. Главным среди них является сербский государственный деятель Никола Пашич. Он так успешно развивал эту взаимную дружбу, что она вылилась в Балканский союз, который мог бы стать прочным благословением для всех Балкан, если бы не был разрушен нападением на Брегальницу. Однако распад союза произошел не по вине Болгарии, а под влиянием других посторонних факторов.

Я кратко остановился на отношениях Болгарии с Россией и Сербией, чтобы дать краткий очерк слишком частых ошибок, допускаемых официальным правительством Болгарии. Болгары обладают многими прекрасными качествами и, как нация, имеют явное право на наше уважение; но у них есть один недостаток: они не самостоятельны в политике, и их политика не является результатом требований времени, - как правило, она даже не соответствует им, а является просто рупором иностранных влияний. Если эти влияния были русскими, то они, по крайней мере, не противоречили интересам народа и не приносили особого вреда. Но, к сожалению, болгарская политика в значительной степени пошла по стопам Германии, и в течение долгого времени немецкое влияние - особенно в последние годы - делало в Болгарии тревожные успехи. Первыми жертвами этого влияния стали Стамбулов и его последователи, которые так свободно выступали с девизом "Болгария для болгар". И, пропорционально той ярости, с которой они проводили свою коррумпированную политику, они импортировали в Болгарию немецкий элемент. Интеллектуально германизировать болгар было бы совершенно невозможно, но в том, что касается их политической экономики и внешней политики, они все больше и больше подпадали под влияние Германии. Восточная экспансивная политика Германии и Австро-Венгрии, обнаружив, что двери в Сербию быстро закрыты, довольствовалась тем, что игнорировала упрямого противника, и проникла в Болгарию как свободную от заразы "фантастических славянских идеалов". В короле Фердинанде, как немецком принце, немецкая пропаганда нашла явного доброжелателя. Болгарский фондовый рынок контролировался немецкой торговлей, Австро-Венгрия и Германия основали в Болгарии филиалы банков и деловых домов. Немецкие и австрийские послы всегда могли прислушаться к мнению Министерства иностранных дел. А Германия одаривала своих благосклонностью или неблагосклонностью пропорционально прогерманским или прорусским симпатиям правительства. Перед лицом этого прилива германизма перед всеми честными болгарскими политиками стоит непосильная задача, если страна хочет спастись от превращения в вассальное Германии государство. В событиях, предшествовавших второй Балканской войне, их труды, казалось, принесли плоды, и Германия и Австрия внезапно оказались перед фактом, о котором они даже не помышляли: союз между болгарами и ненавистными сербами и даже военная конвенция между ними *против* Австрии. Но их изумление было лишь кратковременным - германское влияние удвоило свои усилия, и вторая Балканская война была вызвана его махинациями.

Поражение Болгарии во второй Балканской войне наполнило народ жгучей, неугасимой ненавистью к Сербии. Реализация македонских амбиций, которая была почти под рукой, исчезла в горьком разочаровании, повергнув героических победителей Киркилисса в агонию гнетущего отчаяния. Когда первое ошеломляющее потрясение прошло, на первый

план вышла мысль о мести, и все предвидели, что при первой же возможности братские народы снова вцепятся друг другу в глотки.

Было бы неразумно отрицать притязания болгар на часть Македонии. Если великая национальная проблема должна быть решена окончательно и удовлетворительно, принцип национальности не может быть проигнорирован. Но Болгария в своих требованиях вышла за рамки принципов национальности и нацелилась на *главенствующее* положение на Балканах. Приобретение ею Фракии привело к необходимости пересмотреть условия союзного договора, и, если бы союзники могли прийти к какому-либо заключению или принять арбитраж царя, сегодня положение Балкан в нынешнем кризисе было бы более благоприятным.

Болгарский народ нельзя считать ответственным за преступление в Брегалнице. Он лишь сыграл пассивную роль. Официальный виновник, который, как предполагается, до сих пор не раскрыт, руководствовался не волей народа, а приказами из Вены и Берлина, которые хотели отомстить за оскорбление, нанесенное им Балканским союзом. Ничто иное, как подлый разрушительный удар, направленный на все балканские государства, не могло быть достаточным, и, к сожалению, они нашли готовый инструмент в необузданных амбициях некоторых болгарских кругов. Конечно, удар был направлен на ненавистных сербов, но с неумолимостью судьбы он обрушился на тех, кто надеялся извлечь выгоду из австро-германской интриги. Хотя только Болгария понесла материальные потери в этой войне, все балканские государства пострадали морально. Для них смертельный враг достиг своей главной цели - распада Балканского союза. Таково было плачевное положение дел на Балканах, когда разразился нынешний европейский кризис. Объявление Австрией войны Сербии вызвало безумную радость в Болгарии. Для болгар было бальзамом на душу, что великая монархия должна поглотить их маленького соседа, их *братский народ*, и ни один из героев, помогавших в завоевании Адрианополя, не останется в живых! Все это время они не обращали внимания на то, что, когда Сербия будет уничтожена, их собственная страна станет следующим блюдом в меню! Это был подлый триумф, не мужественный и не *славянский*.

В своем удовлетворении они даже забыли о России. Никто и не мечтал, что Россия поднимет свою могучую руку и крикнет "Стоять!" австрийскому пожирателю. Но когда неизбежное произошло, Болгария вдруг оказалась лицом к лицу с проблемой. Слова России - "враги Сербии - мои враги" - ошеломили честный болгарский народ, привязанный к России, и он стал очень серьезно спрашивать себя: "Что дальше?" Первым результатом этого стало заметное охлаждение антиславянской агитации; затем народ задумался. *Народ* и патриотические славянофильские круги прислали свои наилучшие пожелания и своего лучшего генерала - Ратко Димитриева - сражаться за Россию, а официальное правительство провозгласило строгий нейтралитет. Оба эти факта предвещают хорошее будущее. Но антиславянская агитация отнюдь не потеряла своей силы, и стамбуловистские круги, совместно с австро-германскими эмиссарами, не перестают возбуждать народ и массы против Сербии и против России. Что возобладает? Трудно делать какие-либо прогнозы, особенно если вспомнить о личном *режиме* короля Фердинанда, который, вопреки конституции страны, господствует в ней. В то же время было бы неправильно терять надежду, и мы должны верить, что в решающий час *славянский* инстинкт возобладает над всеми другими инстинктами, и таким образом не только поможет славянскому делу, но и окажет величайшую услугу цивилизованной Европе, и прежде всего самой Болгарии.

Среди болгарских авторов мы также должны упомянуть Пенчо Славейкова (уроженца Македонии), некоторые из работ которого были переведены на английский язык.

ГЛАВА VI.

СЕРБИЯ.

I. Самодостаточность сербов-характеристики сербского народа-сила народной песни-расовое самосознание.

II. История южных славян.

III. Рождение нации - князь Милош - "Великий сеятель" - Александр Карагеоргиевич - Михаил Обренович - король Милан - падение династии Обреновичей - король Петр - восстановление престижа Сербии.

IV. Сербия и Австрия - Кампания клеветы - Присоединение Боснии и Герцеговины - Балканские войны - Сербия реабилитирована - Трагедия в Сараево.

I.

Свободное и независимое королевство Сербия, несомненно, является самым важным из государств южных славян, хотя в нем проживает всего три с половиной миллиона человек, и оно со всех сторон закрыто шестью соседями - Австро-Венгрией, Руманией, Болгарией, Грецией, Албанией и Черногорией. В 1817 году она освободилась от турецкого ига и менее чем за 100 лет превратилась в крепкое, самодостаточное государство, эффективное в интеллектуальном, экономическом и военном смысле 99 несмотря на постоянные потрясения внутри страны и за рубежом. Всем, чего она достигла, Сербия обязана только себе, способностям, доблести и упорству своих собственных детей. Россия была ее единственной иностранной защитницей. Серб - прямой, трудолюбивый человек и, как все южные славяне, по сути своей поэт. Если судить по стандартам современного *школьного* образования, средний сербский крестьянин, возможно, не очень развит и обычно ограничивает свои достижения чтением и письмом; но он очень наблюдателен, а его природные способности и материнская смекалка настолько велики, что позволяют прогнозировать его будущее совсем иначе, чем до сих пор предсказывали сторонники немецкой "Культуры". Как русский и хорват, серб - прежде всего земледелец, который любит свой клочок черной земли и заботливо его возделывает; из этой любви к земле проистекают его удовольствия, его пронизательная философия, его большое милосердие к людям и зверям, и, прежде всего, его любовь к истине и справедливости. Разве не должен весь мир быть справедливым, как справедлива земля, когда она дает или не дает свои дары? С незапамятных времен серб питал большое чувство к семейным узам и узам общины. Любовь, которую он питает к своему дому, он распространяет на дом своего соседа, а затем, в более широком смысле, на всю свою страну. Там, где речь идет о любви к родине, политические и экономические соображения отходят на второй план. Серб любит свою страну, как жених свою невесту - 100 страстно, часто безрассудно, но никогда расчетливо. Он желает сохранить свою любимую землю для себя, чтобы ее не трогали чужаки. Несмотря на значительные деловые способности, он не агрессивен и не жаждет владений ближнего. Но если сосед осмелится хоть на дюйм отодвинуть свой забор или нарочно пустит свой скот на

его луг, серб становится свирепым, гневливым и неумолимым. Сербскому крестьянину не нужно изучать историю, чтобы узнать, где его соседи убрали ориентиры. Его история живет в его песнях и балладах и насчитывает тысячу лет. Эти стихи рассказывают ему обо всем. Каждая из его прекрасных народных песен - это кусочек истории, кусочек прошлого, и они проникают в его сердце глубже, чем любое историческое образование. *Даты* его могущества, былого величия и упадка не имеют для него никакого значения; но печальные, глубоко трогательные легенды его народных песен, повествующие о его триумфах и трагедиях, пронзительно волнующие любовью к родине, бурные баллады о героизме и *мести* - они воспитали в нем чувство патриотизма, тоску по своим угнетенным братьям и жажду возмездия. Эти народные песни передавались из поколения в поколение, и до сих пор они сохранились в первозданной чистоте текста и мелодии в душах и памяти сербского народа. Во время иностранной угрозы нет необходимости обращаться к сербскому народу 101 с многословными прокламациями и зажигательными речами. Достаточно припевов их песен, и они возьмутся за оружие как один человек. Но дело должно быть в гармонии с традициями прошлого. Они сражаются как львы, когда идут в бой с древними песнями на устах. Так они воевали с турками, так они воюют сейчас против Австрии.

Для серба любовь к своему языку стоит на втором месте после любви к родине. Самый красивый и мелодичный из всех славянских языков,⁸ богатый по идиоматике и мягкий по модуляции, он особенно подходит для народной поэзии. Этот язык, идентичный хорватскому (отсюда и название "сербохорватский язык"), был священным и неизменным связующим звеном между сербами и их поработенными братьями в Турции и Австрии. Сербский крестьянин имеет привычку называть каждого, кто говорит с ним на иностранном языке, "швабо";⁹ но если незнакомец обратится к нему на сербском или, более того, на любом из славянских языков, он скажет: "Pa ti si naš" (Ты один из нас). Несомненно, помимо национальной музыки, этот союз стал одним из самых сильных факторов в подготовке будущего, ведь через него серб может свободно общаться со своими братьями за границей. Эти дорогие знакомые звуки говорят ему, что его братья все еще живут и разделяют его речь, его песни и его тоску. Этим объясняется единодушный энтузиазм *всего* народа как в Балканской войне, так и в нынешней второй освободительной войне. Это не солдаты короля, отправившиеся на войну, а солдаты *идеала*. Чудеса доблести, которые совершили эти люди, - это подвиги не военной машины, а великого сердца, в котором сотни тысяч сердец бьются как одно.

Многие люди, особенно немцы, говорят, что сербы грязные, ленивые и скучные. Что касается последнего из этих обвинений, то я готов признать, что немцы, контактировавшие с народом, могут быть оправданы за такое впечатление. Сербский крестьянин относится к "швабо" с крайним недоверием. Его природная пронизательность учит его мудрости выглядеть как можно более тупым перед беспринципным эксплуататором, которого он так хорошо знает. Ему не выгодно внушать доверие в этом квартале, и, собственно говоря, сербский крестьянин часто одерживал верх над апостолами "Культуры" благодаря этому маленькому обману. Английские и французские путешественники, имевшие дело с сербами, отзываются о них в самых лестных выражениях. Что касается двух других обвинений, то они просто абсурдны. Сербский крестьянин действительно очень много работает. Если мы рассмотрим результаты его труда, о которых можно судить по значительному экспорту сельскохозяйственной продукции и скота, и вспомним, что в такой бедной стране, как Сербия, крестьянин не имеет в своем распоряжении всех новейших сельскохозяйственных усовершенствований, то станет очевидно, что он добился чудес благодаря труду своих голых рук. Грязь, о которой говорят его критики, - не более чем честная грязь почвы на его руках и одежде; но если бы безупречные "михельсы" взяли на себя труд оглядеть его дом, они не

могли бы не заметить, что по чистоте и опрятности большинство сербских фермерских домов очень хорошо сравнимы со средними фермерскими домами Западной Европы. Гость нежного происхождения, принимаемый в сербском крестьянском доме, наверняка не найдет ничего плохого в том, как его кормят и размещают, как учитывают его потребности. Конечно, в Сербии есть случаи грязи и безделья, но где же мы найдем страну, свободную от них...?

Характерной чертой серба является его расовое самосознание. Русские, поляки, чехи, болгары - это русские и т.д., *первые* и единственные славяне в общем смысле. Но сербы и хорваты - такие же славяне, как и сербы и хорваты. Возможно, так было не всегда. Возможно, будучи более угнетенными и окруженными врагами, чем любой другой славянин, эти народы стали смотреть на свое расовое чувство как на простыню-якорь, за которую они цеплялись, сначала с надеждой, а потом с сердечной любовью. Для русского славянство - символ его протектората, а для сербохорвата - дыхание жизни.

II.

10 В доисторические времена юго-восточные районы Балканского полуострова были заселены армянами, которые в конце концов были вынуждены отступить в Малую Азию около 700 года до нашей эры. Следующими жителями были фригийцы, которые обладали хорошо развитой цивилизацией и проникли очень далеко на запад; но с вторжением фракийцев с севера фригийцы также были вынуждены мигрировать в Малую Азию, и только несколько разрозненных групп остались между Дунаем и Балканскими горами, где они оставались до римского вторжения. В отличие от вышеупомянутых семитских рас, пеласги и лепесцы, составлявшие коренное население Греции, были чистыми индоевропейцами. В конце концов они были завоеваны эллинами, и прославленная греческая нация возникла в результате смешения этих трех племен.

На заре истории великий полуостров Восточной Европы был разделен между тремя племенами. Греки жили к югу от Гелиакмона и Олимпа, фракийцы - к западу от долины Тектона в восточной части полуострова, а иллирийцы - к западу от Пинда. Их территория простиралась на север до современной Вены, а на юг - до Коринфского залива. Из этих трех народов только греки достигли высокой степени цивилизации и культуры. Они основали несколько колоний на узком побережье Македонии, но большая часть полуострова к западу от Вардара оставалась иллирийской, а к востоку от Вардара - фракийской. В эти страны из греческой Фессалии в поисках завоеваний мигрировали только зажиточные слои населения и царская семья, от которой вел свое происхождение Александр Македонский.

За римским вторжением последовало значительное колониальное развитие. Благодаря разумной административной политике римлян на большую часть полуострова проникла определенная цивилизация, а общим языком стал латинизированный диалект. Фракийцы очень быстро романизировались, как и большинство иллирийцев; только эллины сохранили свое национальное отличие. Иллирийцы в конце концов исчезли из Македонии, но родственное им племя албанцев (скипетаров, арнаутов) остается там и по сей день, хотя в них заметна сильная примесь древнеримской и славянской крови. *Румыны* - продукт языковой и расовой смеси фракийских, римских и славянских элементов.

В результате Великого переселения народов Римская империя распалась (476 г. н.э.), и Европа была перераспределена, в результате чего расовые границы в большинстве своем сохранились до наших дней. Германские племена закрепились на севере и западе, а славяне - на востоке Европы. В 525 году н. э. славяне под именем "Εκλαγτοι" упоминаются как

обитатели низовьев Дуная. С этого времени и на протяжении целого столетия они вели ожесточенную войну против Восточной империи, пока последняя не истощилась, и Балканский полуостров не оказался открыт для захватчиков с севера.

В первой половине седьмого века, во времена правления императоров Фоки (602-610) и Ираклия (610-642), славянские орды пронеслись по странам верхнего и нижнего Дуная, как поток от Венеции до Константинополя, и пронеслись на юг до мыса Матапан. Аборигены бежали перед ними и укрывались в горных ущельях, на островах и в обнесенных стенами городах. В конце концов христианство усмирило эти дикие орды, и мирные отношения вновь установились. Константинополь, Адрианополь, Серес, Салоники, Лариса и Патры были центрами, откуда к славянам проникал свет христианства и греческой культуры.

Кем и каким народом были славяне? Римский историк Иорданис (551 г. н. э.) уже отличает "словен", как он их называет, от остальных славян, которых он называет "венити". Он говорит о бесчисленном народе славян ("Venetharum natio populosa"), разделенном на множество племен, главными из которых были "руси" ("*ант*") между Днестром и Днепром, и "словени" на нижнем Дунае. Правда, под этим названием скрывалось множество различных племен, так же как сегодня оно используется для обозначения всей славянской расы ("славяне" по-русски, "словане" по-чешски). Строго говоря, только южные славяне имеют право на это название, и вплоть до XIX века они называли себя "словенами" в дополнение к своим местным названиям - хорваты, сербы, болгары и т. д. С образованием местных государств местные названия вошли в обиход, но в литературе и народной поэзии неизменно используется название "словенцы". По сути, местные названия возникли в результате политического и исторического распределения расы.

Географическое положение Балканского полуострова, а также два цивилизационных течения, которые обрушились на южных славян с обеих сторон, не позволили образовать единое государство южных славян. Они распались на несколько мелких государств, которые вскоре потеряли свою свободу и подчинились иностранному владычеству. Первой жертвой стала Карниола, перешедшая под власть германцев уже в VIII веке.

В конце седьмого века финское племя *булгар* покорило славянские племена к северу и югу от Балканского хребта и случайно приняло славянский язык как свой собственный. Они лишь сохранили свое первоначальное название и свой отличительный, холодно-методичный гений организации - расовую особенность, которая полностью отсутствует у других южных славян. За короткое время болгары также завоевали славянские племена в Македонии, Эпире и Фессалии и подчинили себе всю страну вплоть до Моравы. В девятом веке Булгарское царство простиралось от Карпат в Венгрии до Паннонской долины, и, собственно говоря, Будапешт, столица Венгрии, был основан булгарами. Болгарский царь Борис был крещен апостолами Кириллом и Мефодием, которые также ввели в Болгарии славянскую литургию. В качестве литературного языка был принят славянский диалект, на котором говорили между Константинополем и Салониками, а также введена *глаголица* (глаголический алфавит) и, в конце концов, *кириллица* (кириллический алфавит). Этот факт имеет мировое значение, так как на этом фундаменте покоится все последующее интеллектуальное развитие России и Балканского полуострова - фактически, всей Восточной Европы. При Симеоне Великом (893-927) славянская литература достигла своего зенита - золотого века. Моравские монахи, изгнанные Святоплуком, нашли гостеприимный прием в монастырях вокруг Охридского озера и развили большую литературную деятельность. Южные славянские монастыри отправляли на Русь монахов и книги, и таким образом стали первыми наставниками своих могущественных братьев на Севере. Еще позже была основана Македонская империя, и в Охриде поселился император Самойло. Однако

вскоре он был свергнут византийским императором Василием II в битве при Белассице (1018). Но Болгарское царство вновь восстановилось при царе Иване Асене II. (1218-1271) и достигла зенита своего могущества, когда была разрушена на века вторгшимися турками (1391).

Центральные южнославянские (сербские) страны - Иллирия, Моезия и Далмация - долгое время оставались раздробленными на отдельные графства. Только в XII веке Раса стала центром сербского государства, основанного Стефаном Неманей (1165), которому сербы обязаны знаменитой династией Немани. После победы над византийцами при Косово сербы проникали все дальше и дальше на юг, в Македонию. При Душане Силни (1331-1355) сербское могущество достигло своего меридиана. Он организовал народ в государство и дал народу хорошие законы. В его время Сербия простиралась от Сейвы и Дуная до Коринфского залива, а от Адриатики до Места на границах Фракии и Македонии. После битвы при Белбушде (1330) даже болгары были вынуждены признать главенство Сербии. Сербский митрополит Петча стал патриархом, была основана национальная сербская церковь, а в македонском городе Скопле Душан Силни провозгласил себя царем сербов, болгар и греков. Со 100-тысячной армией он двинулся на Константинополь, чтобы утвердить там свой трон и отомстить грекам, которые несколькими годами ранее призвали в Европу турок-османов.¹¹ Но по дороге он умер - говорят, что его отравил грек.

В архитектурных и литературных памятниках эпохи сербских правителей XIII-XIV веков еще отчетливо видны следы той высокой культуры, которая распространялась из Византии, Венеции и Флоренции. Но это лишь искры, которые сербский проницательный гений и природные способности, несомненно, разожгли бы в яркое пламя, если бы приход турок не сорвал великие планы Душана Силни. Константинополь остался бы в руках христианского народа, любящего искусство и прогресс. Ни один другой народ не был так хорошо приспособлен, как сербы, чтобы вдохнуть новую жизнь в культуру древних. Присутствие этого здравомыслящего и сильного молодого народа спасло бы гуманистов от бегства из Византии.

После смерти Душана Силни великая Сербская империя распалась на множество мелких государств, правители которых вели опасную игру и интриговали один против другого, в то время как турки завоевывали Фракию. Македонские деспоты стали вассалами турок, и только несколько стран, таких как Зета, Босния и империя князя Лазаря (современная Сербия), сохранили свою независимость. Пока эти страны были свободны, османское вторжение в Европу откладывалось, потому что в Коссовом поле Сербия держала ключ к Европе. Турки знали об этом и постоянно готовили свои атаки соответственно. На Видовдане (День святого Витта, 1387 год) 100 000 сербов и 300 000 турок сошлись в битве на Коссовом поле. Битва была ожесточенной, и потери с обеих сторон были огромными. Сербы потеряли своего князя Лазаря и всю свою знать; турки - большую часть своей армии и своего султана Мурата I. В Европе распространилось сообщение о победе сербов; во Флоренции и Париже зазвонили в колокола от радости, а в Нотр-Даме была отслужена благодарственная служба, на которой присутствовал Карл VI со всем своим двором.

Преемник Мурата, Баязит, не пошел дальше; он позволил сербам сохранить свои собственные законы, но они должны были признать его своим сюзереном. В 1459 году Сербия была окончательно разгромлена и полностью перешла под власть турок. Вскоре после этого (1463) та же участь постигла Боснию и Герцеговину. Непокоренными остались только горные крепости Черногории.

III.

Когда Сербия начала свою жизнь в качестве независимого государства, она все еще кровоточила от многочисленных ран, нанесенных ей веками рабства, и прежде всего эти раны нужно было залечить. Сербский народ, интеллектуально и экономически обанкротившийся в результате долгого турецкого правления, оказался в положении купца - честного, но ограбленного до последнего фартинга, чью разоренную лавку ему восстанавливают и от которого ждут, что он из этих руин восстановит прежний бизнес и вернет ему былое процветание. Должны были пройти годы, чтобы люди привыкли к новому порядку вещей и из беспорядочных зарождений нашли путь к разумному гражданскому развитию. В те дни Сербия стала жертвой всех политических болезней, но, с другой стороны, она была вдохновлена поэтическим, истинно славянским патриотизмом. Золотая свобода, к которой они так долго стремились и боролись и которую наконец завоевали, действовала на нацию не как политическое событие, а как великий *семейный праздник*, в котором все члены были объединены в любви и радости. Они *наслаждались* вновь обретенной свободой; гнусные соображения дня были отложены до следующего дня или оставлены на попечение небольшого числа "хладнокровных" людей. Гражданский правопорядок и регулярность в управлении, неслыханные при турецком правлении, сначала рассматривались как чисто чудесные, а затем молчаливо принимались как неизбежные последствия свободы. Идея *свободного государства* имеет для сербов лишь теоретическое значение, главное для них - быть *свободным народом*. Как свободный народ, они следовали за своими лидерами - не как за начальниками, а как дети слушаются своих отцов. С детской простотой они собирались вокруг своего сельского магистрата, чтобы выслушать его указания, и в том же духе собирались под древним платаном в парке Топчидер, чтобы послушать Милоша, своего первого господаря и князя, который давал мудрые советы и справедливое правосудие. Но на этих встречах правителя и народа было посеяно семя истинной конституции государства, и, подобно империи Душана Силни в былые времена, современная Сербия выросла из своего собственного народа. Именно поэтому Сербия *является в высшей степени националистическим* государством, свободным и независимым от иностранного влияния. Возможно, в какой-то мере это было недостатком, но в то же время это и большой источник силы для Сербии. Тесная связь между царствующим домом и народом оказалась оплотом против иностранных попыток денационализации и дала Сербии необходимую силу, чтобы и по сей день оставаться свободной от разлагающего влияния Германии.

Во всех отношениях патриархальное государство князя Милоша оказалось наилучшей подготовкой для политического будущего Сербии. Она созревала медленно, как яблоко на солнце, и, к счастью, не была вынуждена созревать неестественно. Более того, врожденные дары сербского народа, о которых я уже упоминал, очень помогли этому процессу. Они начали понимать, что поэзия имеет свои ограничения, что свободный народ должен стать организованным государством и что политический порядок, хотя он и не может быть изложен в стихах, является единственной гарантией процветания нации. Конечно, судебные решения и налоги были досадными вопросами, но их благотворное влияние на общество было признано. Закон выражал волю народа и больше не вызывал негодования как навязывание.

Молодому государству повезло, что *Доситий Обрадович*, величайший гений образования Сербии, дожил до этого критического времени. Он заложил основы национальной системы образования - этой самой необходимой дисциплины для молодой нации - и, несомненно, был одним из величайших людей, которых южные славяне произвели на свет в современную

эпоху. В Сербии его называют "*великим сеятелем*". Он действительно посеял семя просвещения не только в Сербии, но и везде, где живут сербы и хорваты. Доситий Обрадович воспитал не отдельных людей, а целые поколения, а через них и весь народ. И если современное государство - это синоним цивилизации, то Доситий Обрадович был настоящим основателем Сербии. Он посеял семя, все остальные были лишь жнецами.

Князя Милоша, отрекшегося от престола в 1839 году, сменил его сын Милан Обренович II. Однако он умер в течение месяца после своего воцарения. Его преемник и младший брат Михаил вскоре оказался вовлечен в серьезные разногласия с сенатом и был вынужден покинуть страну в 1842 году. Теперь Сербия избрала Александра Карагеоргиевича, сына Черного Кара-Георгия, который возглавил восстание против Турции в 1804 году. Несмотря на свои большие государственные дарования, он не смог удержаться на троне из-за своих пристрастий к Австрии. Народ, инстинктивно чужавший своего древнего врага, не доверял ему, и в 1858 году дело дошло до кризиса. Сербская скупчина (парламент) официально сместила Александра и вновь избрала на сербский престол Обреновича. Это был Милош Обренович, чье короткое правление не было отмечено какими-либо яркими событиями. Его сын Михаил стал его преемником в 1860 году.

Михаил Обренович был блестящим, широко мыслящим, благородным человеком. Он нашел национальный урожай уже хорошо выращенным и смело продолжил дело своих предшественников. Он хорошо понимал свой народ, со всеми его дарами и ограничениями, и, прежде всего, осознавал, что настал момент, когда Сербия должна стать "вестернизированной", не жертвуя своими национальными качествами. Он "европеизировал" государство и сделал его уважаемым в стране и за рубежом. В его правление система образования достигла больших успехов и была модернизирована. Финансы страны были поставлены на прочную основу, сельское хозяйство развивалось по современным, рациональным принципам, а промышленное предпринимательство и внешняя торговля появились впервые. Под сильной руководящей рукой князя организация *армии* шла в ногу с экономическим развитием страны. Он положил начало сербской внешней политике¹² и был лучшим и мудрейшим дипломатом своей страны. Его политика по отношению к России привела к русскому протекторату, который оказался таким мощным и по сей день, но это также вызвало ревность Австрии. Прежде всего, Михаил Обренович был сербом, и его славянская политика проводилась не только в интересах нации, но и диктовалась его сердцем. Он развивал идею создания Сербии с морским побережьем как на Эгейском, так и на Адриатическом море. Он знал, что будущее его страны никогда не будет безопасным, пока все сербы и хорваты не объединятся, и не откроются пути, которые позволят добиться соответствующего экономического процветания. Требование Сербии о морском побережье - это не простая агрессия, а признание жизненно важной проблемы, которая будет решена, как только будут удовлетворены ее минимальные требования.

При следующем Обреновиче, веселом князе Милане (впоследствии короле Милане), сербская политика время от времени отклонялась от линии, намеченной князем Михаилом. К сожалению, добрые услуги, которые *король* Милан, несомненно, оказал своей стране, омрачаются его многочисленными серьезными ошибками. Поначалу казалось, что его гениальная личность и огромная популярность как нельзя лучше подходят для продолжения и завершения начатого *князем* Миланом дела. Но, очевидно, его амбиции не были направлены в эту сторону, поскольку его правление представляет собой длинную летопись раздоров как внутри страны, так и за рубежом. Партийный дух в гражданских и военных делах принял грозные размеры, и государство неоднократно едва избегало кораблекрушения. Милан был избалованным человеком. Он предпочитал жить за границей и

часто оставлял управление государством на длительные периоды полностью в руках кабинета министров, которым в отсутствие правителя зачастую было очень трудно поддерживать свою власть перед лицом враждующих группировок. За границей король познакомился с выдающимися иностранными вельможами и государственными деятелями, и, поскольку в большинстве случаев это были австрийцы, он попал под влияние монархии. Немецкое давление на Восток стало проникать в Сербию, и временами официальная политика становилась откровенно проавстрийской. Король по-прежнему был популярен, но народ постепенно терял к нему доверие, и в нескольких критических случаях он был готов "спасти" себя блестящими обращениями к народу.¹³ Но королевские промахи становились все более частыми, а еще больше усугублялись невыносимыми внутренними разногласиями, которые в конце концов привели к разводу королевы Натальи. К счастью, во время правления короля Милана Сербия обладала исключительно способными государственными деятелями, и только благодаря их усилиям страна избежала государственной катастрофы. Нынешний сербский премьер Никола Пашич уже в те времена играл видную роль и неоднократно спасал своего короля и страну во время неминуемой опасности. Но в конце концов ситуация стала невыносимой, и король Милан отрекся от престола в пользу своего сына Александра, который еще не достиг совершеннолетия. Правление Александра - самый мрачный период в истории современной Сербии. Во время его малолетства страной управляло регентство, и все шло хорошо; но когда Александр сам взял скипетр, государство начало рушиться в самом своем основании. Умственно неполноценный, а потому опасный во всех своих действиях, он ввел самодержавие, не терпел оппозиции и наделял каждую свою ошибку знаками отличия "верховного повеления". Раскол между королем и народом становился все шире и непроходимее, и наконец превратился в пропасть, когда он настоял на том, чтобы возвести свою любовницу Драгу Машин в законную жену и королеву Сербии. Но и это было еще не все. Новая королева, со всем слепым самомнением *парвеню*, ввела при дворе и в политике наихудший тип мелочного правления, который проявился в прививках, коррупции, откровенной демонстрации презрения к народу, и оскорблениях в адрес государственных деятелей, ученых и особенно офицеров армии. Когда разразился скандал по поводу мнимого рождения наследника, гнев народа перешел в ярость, и в ночь на 28 мая 1903 года белградский гарнизон привел в исполнение приговор народа королю и королеве.

Воцарение династии Карагеоргиевичей, которые действительно имели право на корону, открывает новую национальную и политическую эру для Сербии. На престол был призван старик, но *великий сеньор* лучшей французской школы - школы, которая выпускала не развратников и бульварных рысаков, а солдат и государственных деятелей первого порядка. Царь Петр был западноевропейцем в лучшем смысле этого слова. Он был не только из рода черных карагеоргиев, отпрыска дома героев, но и опытным воином и государственным деятелем. В течение долгих лет изгнания он был офицером французской армии и в силу своего общественного положения имел все возможности для приобретения ценного опыта как в мирной, так и в военной жизни. Все это время он оставался "созерцателем" и наблюдал за развитием своей страны издалека - за ее борьбой и испытаниями. Хотя он никогда не отказывался от претензий на сербский трон, он часто, несомненно, очень часто, был убежден, что сам никогда не будет призван взойти на него. Но его сердце и его любовь были связаны с сербским народом, и, вероятно, он чувствовал несчастья своей страны острее, чем любой другой серб. Абсурдно возлагать на царя Петра ответственность за убийство его предшественника. Любой человек, имевший честь знать его, с негодованием отверг бы эту мысль. Его восшествие на престол было лишь следствием, но никак не причиной трагедии

Обреновичей. Но Европа была слишком потрясена убийством, чтобы делать различия в то время, и не приняла бы ни причин, ни объяснений, доказывающих необходимость начать все сначала - и это не считая самого факта убийства. Европа рассматривала *поступок*, а не его *причины*, и отказывалась искать в своей истории подобные поступки, спровоцированные аналогичными причинами. Таким образом, царь Петр столкнулся с двойной проблемой. С одной стороны, и он сам, и его страна потеряли симпатии Европы, а с другой - он стал преемником правительства страны, деморализованной предыдущим правлением и раздираемой партийными противоречиями. Это была сложнейшая ситуация, так много противоречивых интересов нужно было примирить! Поистине очень тяжелая задача для пожилого и, возможно, уже утомленного миром человека.

Но царь Петр приехал в Сербию не как претендент, который наконец-то получил воцеленную корону; он приехал как защитник сербских идеалов прошлого, последним представителем которых был Михаил Обренович, - идеалов национальной экспансии, сербского будущего. Он признавал свои трудности, но атаковал их, не дрогнув. Для сербской нации - импульсивной, бурной и чувствительной - было счастьем пройти под руководством спокойного, мудрого и взвешенного короля. Он шел своим путем шаг за шагом, твердо и без иллюзий. Среди бурных аплодисментов, которыми его встретили в Белграде, его сердце было, пожалуй, единственным тяжелым от забот. Он слишком хорошо понимал, что насильственный *государственный переворот* был не решением, а лишь началом проблемы. Это сознание и патриотический идеал были главными мотивами его правления с самого начала. Одной из первых задач царя Петра была реабилитация Сербии в глазах Европы. Несправедливо вся ответственность за потерю престижа Сербии лежала на нем, и изменить мнение Европы было делом нелегким, но он воздержался от протестов и оправданий. Он понимал, что Сербия должна быть возрождена таким образом, чтобы вернуть себе полное доверие Европы. Мудростью своей политики и с помощью умелых государственных деятелей - в первую очередь Николы Пашича - он направил внешнюю политику Сербии в здоровое, нормальное русло, и через несколько лет страна вновь заняла место упорядоченного европейского государства, свободного от клеветы и вражды Германии и Австрии. Фактически, это успешное восстановление стало в глазах Европы доказательством того, что смена династии была для Сербии необходимостью, и что в решении балканской проблемы ей можно доверять, как цивилизованному государству, взять на себя свою часть бремени. Вскоре она доказала свою состоятельность в первой Балканской войне, ибо в этой войне идеал короля, который он разделяет со своим народом, добился своего первого большого успеха, когда тяжело больной народ проявил доблесть, государственную мудрость и истинное благородство.

За десять лет своего правления король Петр сделал многое, чтобы вернуть Сербии ее древнюю славу. За время его правления ее политика стала более урегулированной как внутри страны, так и за рубежом. Сельское хозяйство, торговля и промышленность улучшились и расширились. Литература и искусство достигли чудесных успехов, так что Сербия может по праву считать себя равной западным народам; а сербская армия в трех последовательных войнах продемонстрировала свою отличную организацию и великую военную ценность.

Царь Петр, чье короткое правление стало таким бурным в конце, может оглянуться на результаты своих трудов с той же спокойной уверенностью, с которой он взял в руки скипетр. Он оживил новую душу Сербии, и хотя незадолго до начала нынешней войны он ушел в отставку и передал скипетр своему сыну, его дух по-прежнему живет в его народе и армии и - слава Богу - приведет их обоих к победе. IV.

Отношения Сербии с Австрией были важным и даже решающим фактором в новейшей сербской истории, и события, которые станут результатом этих отношений, приведут либо к территориальной консолидации Сербии, либо к ее окончательному разорению. Австро-Венгрия никогда не была доброжелателем Сербии, хотя часто нагло изображала из себя ее благодетельницу. Целью Австрии всегда было отделить Сербию от российского влияния и поставить ее под душеспасительный протекторат монархии. Ближайший путь в Салоники лежит через Сербию, и во что бы то ни стало этот путь должен был быть защищен. Если бы только Сербию можно было поставить в зависимость от Австро-Венгрии, это было бы гораздо лучше для целей германской экспансивной политики; это также парализовало бы южных славян в монархии. Зная, что великие державы, особенно Россия, никогда не допустят эффективной оккупации Сербии, Австрия интригами в духе Меттерниха стремилась сделать свое влияние в Сербии преобладающим, а также экономически ослабить ее как государство, заключая досадные торговые договоры в надежде сделать ее более покладистой по отношению к монархии. Сербия мужественно сопротивлялась всем этим попыткам и понесла значительные материальные потери; но она твердо знала, что является первой и самой сильной крепостью на пути германского давления на Восток, и непоколебимо верила в конечный успех своего дела. Маленькая храбрая страна должна была выполнить миссию, отвечающую не только ее собственным интересам, но и интересам славянской расы и всей Европы. Вена и Берлин знали, что Сербия - очень крепкий орешек, но были уверены, что в конце концов расколют его. Когда открытая агрессия не удалась, они сделали хорошее лицо и заверили сербов, оказавшихся в тяжелом положении, в своих добрых намерениях. Оккупация Боснии и Герцеговины стала первым ощутимым доказательством этих добрых намерений, ведь тогда Австрия "избавила" два миллиона сербов и хорватов от турецкого рабства. К сожалению, Сербия ничуть не оценила это "благодетельство", в результате которого большое количество ее сородичей было передано на милость Австрии, чья заботливая опека о своих южных славянах была слишком хорошо известна - вместо благодарности Сербия не переставала указывать на свои собственные национальные и территориальные претензии на Боснию и Герцеговину. Естественно, такое наглое отношение со стороны Сербии вызвало враждебность, а впоследствии и официальную немилость Австрии. Эта немилость проявлялась по любому поводу, хотя всегда носила ханжеские одежды. Сербия была слишком слаба и не готова к агрессивному ответу на эту враждебность; ее защита ограничивалась дипломатическими мерами и моральной поддержкой России. Это было удивительным достижением ее государственных деятелей, что перед лицом сильного народного чувства они так долго удерживались от открытого разрыва; и что они не позволили тридцатипятилетнему неправильному управлению в Боснии и Герцеговине или угнетению южных славян подтолкнуть их к отчаянному решению. Влияние европейской дипломатии, несомненно, было очень полезным; тем не менее, сербский народ проявил восхитительную сдержанность в условиях постоянных провокаций. Германия и Австрия, способные развратить большую часть собственной прессы и даже многие иностранные газеты и располагающие целым штатом политических агитаторов, не ослабляли свою кампанию оскорблений и клеветы против Сербии и повсюду представляли ее как неспособное, варварское и опасное государство. В этом они были слишком успешны. К сожалению, состояние внутренней политики Сербии часто было плачевным, и, кроме того, убийство короля и королевы в 1903 году дало достаточно материала для формирования общественного мнения в Европе. В целом Европа поддержала эти клеветнические измышления и отказалась выслушать контрпротесты России и других славян, поскольку свидетельства варваров и троглодитов были заведомо бесполезны. Сербия часто оказывалась в отчаянном положении. Она действительно защищала дело цивилизации, сдерживая прилив германизма на Востоке, она *готовила* великое мировое дело, а наградой

ей было лишь презрение или жалостливая улыбка. Без моральной поддержки России она уже давно должна была быть поглощена Австрией.

С аннексией Боснии и Герцеговины в 1909 году и предшествовавшими ей позорными обстоятельствами (которых я коснусь в одной из последующих глав) взаимная вражда между Австрией и Сербией достигла своего апогея. Война между Австро-Венгрией, с одной стороны, и Россией и Сербией - с другой, казалась неминуемой, и была предотвращена только благодаря вмешательству европейской дипломатии, особенно усилиям сэра Эдварда Грея. В декларации от 31 марта 1909 года Сербия признала аннексию как свершившийся факт и обещала впредь проводить политику в соседском и дружественном духе по отношению к Австрии. Это был последний акт самоуничижения, которого добилась несчастная страна, но отнюдь не конец враждебной агитации. Напротив, они только усилились, поскольку Австрия рассматривала аннексию Боснии и Герцеговины лишь как прелюдию к вторжению в Сербию. Отсюда вытекала необходимость представить Сербию как угрозу миру в Европе и особенно положению монархии как великой державы. Престиж Сербии еще больше упал. Но внезапно возникла новая ситуация, и *Балканская война 1912* года явила ряд славных доказательств героизма, самообладания, государственной мудрости, военных и национальных способностей со стороны Сербии. Презрение Европы сменилось восхищением, и Сербия неожиданно оценила себя по достоинству. Это был удар, который Австрия не могла простить, тем более что преступная ошибка второй Балканской войны, в которой она тешила себя надеждой, что Сербия будет разгромлена, оказалась неудачной. Сильная и уважаемая Сербия была занозой в плоти Австрии и тревожным влиянием среди ее южных славянских подданных. Отныне венский МИД сосредоточил свои усилия на уничтожении Сербии любой ценой. Прежде всего, Сербии было предъявлено требование таких торговых уступок, которые поставили бы ее в экономическую зависимость от Австрии, а следующий торговый договор должен был поставить Австрию в положение "страны наибольшего благоприятствования". В политике Австрия прибегла к изобретению призрака "Великой Сербии" - идеи, которая до сих пор имела лишь интеллектуальное значение и представителями которой были несколько горячих голов, совершенно не связанных с официальной политикой Сербии. Для придания убедительности этой новой пропаганде Австрия задействовала большое количество *агентов-provokаторов*, шедевром которых, по-видимому, стало покушение на эрцгерцога Франциска Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 года. Правда, если принять во внимание все побочные вопросы, кажется более чем вероятным, что *покушение*, по крайней мере, было инсценировано австрийскими агентами. Было ли покушение просто случайностью?¹⁴ Следует опасаться, что это одна из тех несчастных тайн, которые никогда не будут полностью раскрыты.

ГЛАВА VII.

МОНТЕНЕГРО.

Страна Черной горы - женщины-воины - король, поэт и земледелец - исторический очерк Черногории - Петр I, Петрович - Петр II - прорусская политика - королевский поэт - Никола I.

Все, что я сказал о Сербии, в равной степени относится и к Черногории. Эти народы - одно целое: они идентичны во всех отношениях и разделены только географически. Черногория - это сербский передовой отряд на Адриатике. Это орлиное гнездо Европы, самый высокий

символ свободы и независимости. Сама природа дала этому народу неприступную крепость и вложила в его руки ключи от свободы южных славян. С высоты бесплодных Черных гор доблестный и пылкий черногорец веками взирал на взлеты и падения окружающих его сородичей. Во всех трагедиях, происходивших под сенью его чертога, он сыграл свою роль и как бесстрашный воин, и как бард свободы, который с горных высот пел своим поработанным братьям песню будущего. Черногорец всегда был одним и тем же. На войне 130 он - воин, в мирное время - вооруженный до зубов пастух. Он неразлучен со своим оружием, но использует его только против своих врагов. Хотя его облик воинственный, а взгляд свирепый, он носит доброе, любящее сердце. Если сравнить его внешность с душой, то можно назвать его львом с сердцем голубя. Друга, кем бы он ни был, он встречает с распростертыми объятиями, а его грубая, сильная рука может быть нежной и ласковой, как у ребенка. Но враг будет раздавлен ее тяжестью, потому что черногорец *ненавидит* своего врага, ненавидит страстно, яростно и непримиримо, и он всегда начеку. Уже в нежном возрасте дети обвешиваются оружием и вынуждены учиться пользоваться им под присмотром старших. А враг - это всегда "швабо". Женщины владеют оружием не хуже мужчин, и не раз случалось, что черногорские амазонки играли решающую роль в войне, а когда оружия не хватало, женщины обрушивали на врагов могучие скалы с высот. Бой - это мрачное удовольствие черногорца в военное время и его развлечение в мирное время. Тот, кто путешествовал по черногорским горам, не мог не заметить двух козопасов среди стад, фехтующих своими "хандзарами" (черногорскими скимитами без ножен), а неподалеку - двух девушек-козопасок, занимающихся тем же самым.

Черногорцы - не самые лучшие земледельцы. Почва бедна и бесплодна, но каждый клочок плодородной земли используется по максимуму, а хорошую почву часто привозят издалека и складывают в каменистых карнизах для выращивания небольшого количества маиса и кукурузы. Но черногорец заботится не столько о сытом желудке, сколько о легком сердце. Это народ, который всегда поет, и богатство сербохорватских народных песен дает ему богатый материал.

Отношения черногорцев со своими правителями не имеют аналогов в Европе. Конечно, король является "господарем" (правителем), но на самом деле он лишь главный воин, главный земледелец и главный поэт своей страны. Династия происходит от черногорских крестьян и глубоко укоренилась в самом народе. Черногорец считает своего короля не столько главой государства, сколько лидером нации, а отношения между ними - привычными и братскими. Король - отец, а народ - его дети в совершенно патриархальном смысле. В их общении нет и следа западноевропейской формальности. Привычное "ты" используется с обеих сторон, и самый простой крестьянин пожимает руку королю как само собой разумеющееся. Но в военное время слово короля - закон, и беспрекословная дисциплина народа основана на их взаимоотношениях в мирное время, основанных на любви народа к своему правителю.

Черногорцы - сербы по национальности, и их королевский дом, как и сербский, произошел от народа. Обеими странами никогда не управлял иностранный принц.

В старину было принято, чтобы старейшины народа, не обращая особого внимания на дипломатическую квалификацию, определяли судьбу своей страны по правилам древнего обычая. Главным среди них был Владыка,¹⁵ который не обладал особыми привилегиями правителя, а лишь имел первенство в силу своего церковного сана. Его образование ограничивалось тем, что было необходимо для выполнения его духовных обязанностей, и он почти ничего не знал о государственном ремесле. Характер того или иного правления зависел главным образом от сложившихся отношений с турками, и черногорские дела

процветали в зависимости от миролюбивого или агрессивного отношения этих соседей. Упорядоченное государство, просвещение и образование были роскошью, которую никто не желал и не требовал, и народ жил и воевал только ради потребностей дня. Но, несмотря на природную одаренность, народ не мог развиваться без каких-либо средств образования; и, кроме военного искусства, они были просты и неграмотны, как дети. Простые авантюристы не раз пользовались этой простотой. Самый вопиющий случай - русский мошенник Степан Мали, который выдал себя за отпрыска рода Воевод Петровичей и провозгласил себя властелином Черногории.

Дела пошли на поправку, когда Владика из рода Црноевичей сменили в руководстве страны Владики из рода Петровичей. Первый из них, Петр I, Петрович, по-прежнему довольствовался тем, что шел по стопам своих предшественников, и влиял на образование своего народа лишь в той мере, в какой сам был культурен. Его непосредственный преемник Петр II, Петрович Негош, заслужил неизгладимую славу в истории Черногории.

Петр II стал владыкой и господарем Черногории в возрасте семнадцати лет. К моменту воцарения он был не более чем черногорским крестьянином, привыкшим справляться с нападениями турок, но в остальном не получившим образования. Молодой правитель ничего не знал ни о системе, ни о глубоком смысле обучения и воспитания, когда встал у руля. Времена были беспокойные и трудные, ведь даже в Черногории мнения разделились. Было еще несколько претендентов - не столько из-за внутренних разногласий, сколько в результате иностранных интриг. Для соседних государств было безразлично, является ли правитель Черногории их другом и орудием, или же он человек независимый и склонен следовать черногорским традициям в отношении России. Санджаки Скутари и Герцеговины (в то время еще санджак Новипазар) были уязвимым местом Черногории. Уже почти столетие Черногория искала пути и способы расширить свою территорию до границ современной Сербии. Более того, еще со времен Петра I существовала идея, что с помощью сербов Старой Сербии, а также сербов и хорватов Боснии и Герцеговины Черногория должна подготовить почву для освобождения своих сородичей от турецкого ига. Однако бедность, нехватка средств у Черногории и колебания русской дипломатии сорвали эти планы, и владыка Петр I не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы приступить к этому предприятию. Петр II понимал, что, прежде чем Черногория сможет надеяться на выполнение этой задачи, она должна укрепить свои руки и руки своих братьев, ожидающих освобождения, путем проведения всесторонней пророссийской политики, которая обеспечит им защиту Российской империи. Она также должна обеспечить своих детей средствами для образования. Он хорошо знал, что с необразованным народом ничего нельзя сделать. Выстроенная им линия была совершенно правильной. Русское общество поняло цели князя и оказало ему достаточную финансовую помощь для основания школ и т. д., а русская дипломатия решительно поддержала его в политике. Петр II с преданностью и упорством взялся за свою просветительскую миссию и даже нашел время для завершения собственного образования. Когда он вступил в мужское сословие, он уже был известен как один из лучших южных славянских поэтов и как один из покровителей культуры среди угнетенных славянских народов.¹⁶ Но его путь отнюдь не был усыпан розами. Сама сила его независимой личности делала его открытым для коварных интриг. Правда, он следовал советам России, но, будучи еще юношей, полным здорового, порывистого пыла своей горной родины, он часто преступал правила европейской дипломатии. Дипломатия не понимала его действий, а он, будучи истинным черногорцем, не мог ждать со сложенными руками, чего может добиться дипломатия, пока турки домогаются его границ. Даже русский

консул в Дубровнике (Рагузе) часто жаловался своему правительству, что князь "больше подходит для гренадера, чем для владыки" (епископа). И, конечно же, Вена постоянно разжигала вражду против него. Но Петр II оставался стойким черногорским воином, и чем старше он становился, тем меньше поддавался на уловки дипломатии. Он посвятил себя своему народу, который любил, чтит и почитал его. Но чужеземные интриги стали довлеть над ним. Разочарования росли с годами, и он не находил ничего, кроме горечи, в обременительных обязанностях принца; эта горечь и разочарование нашли красноречивое выражение в его стихах. Наконец обстоятельства стали настолько невыносимыми для него, что он задумался об отречении от престола, и, вероятно, от этой мысли его удержала только горячая любовь к своему народу. Ведь, несмотря на все досады, он не мог не видеть, что его присутствие не бесполезно, что его работа и деятельность приносят благословение его народу и закладывают основы будущего.

Его племянник и преемник, Данило I, был последним "Владыкой" на черногорском троне. Он гораздо лучше разбирался в искусстве дипломатии, но его правление никогда не сравнится с правлением дяди по значимости. Он пал жертвой убийства в 1860 году в Которе (Каттаро), и его сменил племянник Никола I., первый светский князь Черногории.

В лице Николы I судьба подарила Черногории правителя с удивительно сильным характером и первоклассным дипломатическим талантом. Страна была переустроена изнутри, не нарушив ни одной из священных традиций черногорцев. Во внешней политике Николы время от времени совершались настоящие шедевры. Не отступая от традиционной пророссийской политики, Никола установил прекрасные отношения со всеми неславянскими государствами, особенно с Австрией, и максимально использовал все возможности, чтобы принести пользу своей стране и народу. Человек большого личного обаяния, высококультурный и утонченный, Никола I имеет восторженных друзей и поклонников во всех уголках мира. Единство южных славян - один из его любимых идеалов, и он неустанно трудился над продвижением этого дела. Его личные отношения с несколькими королевскими домами Европы позволили ему эффективно работать и завоевывать друзей для славянского дела там, где другой мог бы этого не сделать.

То, что Никола I сделал для Черногории за пятьдесят лет своего правления, более или менее общеизвестно. Образование народа, начатое при Петре II, достигло великолепного прогресса при Николае I, и сегодня Черногория может похвастаться большим количеством государственных деятелей, поэтов, ученых и литераторов для такой маленькой страны. Когда разразился балканский кризис, Никола, тогда уже король Черногории, верный духу своих отцов, без колебаний и энтузиазма предоставил себя и свой народ в распоряжение Сербии и одержал славные победы, в результате которых его территории значительно расширились. После Балканской войны король Никола, несомненно, рассчитывал на мирное время и процветание. Но его надежды были обречены на разочарование, так как последние события призывали его к другой, более важной задаче.

ГЛАВА VIII.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В ПЕРИОД ДВУЕДИНОЙ МОНАРХИИ.

I. Однородный народ - воинственное прошлое - Богумилы - национальная кабала - Наполеон - иллиризм - соглашение с Венгрией - граф Хуен - Хедервари.

II. Величайший представитель южных славян - великодушие и мужество Штроссмайера - падение графа Хуен-Хедервари - смерть Штроссмайера.

III. Ложный рассвет - конференция в Фиуме - бан Пауль Раух - суд над монстром в Загребе - дело Фридьюнга - Кувай - Франо Супило.

IV. Далмация, Истрия, Карниола - Итальянский элемент - Босния и Герцеговина - Заключение.

I.

Весь юг Двуетной монархии населен славянами. Королевства Хорватия, Славония и Далмация с Карниольским герцогством, Истрией и Боснией-Герцеговиной - все они, с населением около семи миллионов человек, принадлежат почти исключительно к одной расе. В то время как во всех других странах монархии (особенно в Венгрии и Богемии) различные расы представлены в разных процентах, неславянское население в Хорватии, Славонии, Боснии и Герцеговине составляет всего около 5-1/2 процентов, в Карниоле и Истрии - 4 процента, а в Далмации - всего 2 процента. К вышеупомянутым семи миллионам следует добавить значительное число хорватов и словенцев (750 000), проживающих в Южной Венгрии (в Торонтале, Бакш-Бодроге и Темеше).

С этнологической точки зрения жители всех этих стран составляют один народ и являются братским народом для сербов в Королевстве Сербия и Черногория. Их язык, обычаи, историческое прошлое и достижения в искусстве, науке и литературе идентичны. Единственное различие между ними заключается в том, что хорваты и словенцы - католики, а часть жителей Боснии - магометане. Те, кто исповедует сербо-православную веру (более трети населения), также придерживаются национального названия и называют себя сербами. Это компактное и однородное национальное тело, несомненно, стало бы важнейшим фактором монархии, если бы не было расколото надвое административной политикой. Здесь, как и везде, во всех своих владениях Австрия применила свой принцип разделения и расчленения, и южнославянские провинции были разделены между двумя сферами власти. Хорватия и Славония отошли к венграм, Карниола, Далмация и Истрия - к австрийцам, а в Боснии и Герцеговине была введена смешанная австрийская и венгерская администрация. Такая система делала единое политическое объединение южных славян совершенно невозможным и предоставляла немецкой и мадьярской пропаганде более удобное поле для деятельности. В обеих сферах неустанные усилия были направлены на то, чтобы уничтожить южнославянский элемент, подавить славянскую мысль и превратить славян в *рабов*. Но южный славянин наделен необычайным упорством; самые ревностные усилия правительства срывались из-за его упорного сопротивления, и они лишь наносили ущерб собственным целям. Немецкая "культура" и мадьярская бескультура вызвали одинаковое отвращение у славянских народов, которым они должны были быть нанесены, а безжалостное разорение, которому они подвергались, вызвало глубокую враждебность. Северные славяне, обладающие более практичными деловыми способностями, чем южные, не позволили задушить себя экономически и даже сумели удержать свои позиции в этом

отношении; в то время как южные славяне, будучи в основном сельскохозяйственным народом, оказались беспомощными жертвами австрийской и венгерской алчности. Далмация, один из прекраснейших уголков Европы, в течение последнего столетия не знала никаких привилегий, кроме необходимости платить налоги, а плохое управление этой страной со стороны Австрии стало легендарным. В Хорватии и Славонии дела обстоят не лучше. Они вынуждены выплачивать Венгрии 56 процентов своих доходов. Этот налог фигурирует в разделе "взносы на удовлетворение взаимных интересов", главным образом представленных железными дорогами и почтовой системой. Чистый годовой доход из этих двух источников составляет 250 миллионов крон, но из них Хорватия не получает ни копейки! Вся чистая прибыль уходит в Венгрию, которая нагло использует ее для субсидирования мадьярской пропаганды в Хорватии. Состояние Карниолы и Истрии почти такое же плачевное, как и Далмации, а в Боснии и Герцеговине австро-венгерское правительство в течение тридцати пяти лет строило деревни "по образцу Потемкина" для назидания иностранных журналистов, в то время как население оставалось голодать или погружаться в нищету и невежество. Многочисленные иностранные туристы, путешествующие по этим прекрасным странам, не видят ничего из "произведения австрийской цивилизации", поскольку их держат на проторенных дорожках, специально подготовленных для них, и они видят страну только как тщательно срежиссированную панораму на пленках Королевского и Императорского государственного синематографа! Но если бы эти путешественники хоть мельком увидели, в какой нищете живут люди, их удовольствие от этих прекрасных стран было бы испорчено, и они бы лучше поняли, почему жители восстают против "благословения" австро-венгерского правления.

Гораздо легче понять, почему политический горизонт в южнославянском уголке Европы всегда затуманен, если получить более ясное представление о *хартийных правах*, в отличие от *фактического положения*, занимаемого южными славянами в монархии; но это представление обычно не удается получить по официальным каналам Вены и Будапешта. По их мнению, все древние *хартии* вольностей - это всего лишь "клочки бумаги", а фактический закон - лишь право сильнейшего. Габсбурги не пришли как победители с правами завоевателя в южнославянские провинции. Они стали правителями этих стран в силу добровольных договоров и сами издавали манифесты и буллы, в которых неоспоримо гарантировали целостность и независимость южнославянских стран. Столетия назад, когда династия Габсбургов находилась под угрозой постоянных войн, и особенно во время турецкого нашествия, эти гарантии неукоснительно соблюдались. Но с изменившимися условиями южным славянам пришлось вести ожесточенную борьбу за свои права.

Из всей этой группы только Хорватия-Славония до сих пор сохраняет хоть малейшую степень автономии, в то время как страны, принадлежащие Австрии, лишились всех остатков самоуправления и представляются отдельными доминионами в государстве только благодаря своим издевательским ландтагам, решения которых почти всегда игнорируются. Хорватия-Славония, принадлежащая Венгрии, до сих пор, по крайней мере теоретически, сохраняет свою политическую независимость. Эта независимость была вновь гарантирована Хорватии соглашением между ней и Венгрией в 1868 году. Когда в 1867 году Габсбургская империя была реконструирована, конституционная независимость Хорватии не могла быть отменена, тем более что эта реконструкция была основана на Прагматической санкции, которая предусматривала отдельную конституционную независимость Хорватии под гарантией королевской присяги. Кроме того, события революции 1848 года были еще слишком свежи в памяти венгерских государственных деятелей, которые трудились над созданием государственной конституции Венгрии с 1861 по 1867 год, и в отношениях с Хорватией они не решались повторить ошибки, допущенные в 1847 и 1848 годах. Франциск

Деак, главный из этих государственных деятелей, прекрасно понимал, что катастрофа, постигшая Венгрию в 1848 году, никогда не была бы столь велика, если бы хорватские национальные силы сражались бок о бок с венграми. Поэтому он хотел заключить с Хорватией прочный мир на справедливой основе. Под влиянием Деака и при сотрудничестве ведущих представителей Хорватии было заключено соглашение, которое обеспечило Хорватии положение равноправного с Венгрией государства, с полным самоуправлением в отношении ее внутренних дел, отдельным законодательным парламентом и собственной армией; только железные дороги, почтовая и финансовая системы должны были находиться под взаимным контролем, и Хорватии гарантировалась пропорциональная доля доходов от этих источников. Хорватский язык должен был стать официальным языком в ландвере и во всех судебных инстанциях, совместных или автономных. Важный хорватский морской порт Фиуме был объявлен "отдельным корпусом *adnexæ rex*" и, таким образом, представлял собой совместный открытый порт. В дальнейшем я покажу, как Венгрия выполнила свою часть сделки.

Один южнославянский патриот сказал, что не было большего несчастья для южных славян, чем перейти под власть цивилизованной Австрии. Если бы им пришлось разделить судьбу своих братьев, сербов и болгар, они, несомненно, вкусили бы все страдания турецкого ига, но сегодня они свободны, как независимое государство, имеющее право на собственное национальное и интеллектуальное развитие. Единственное, что Турция оставила нетронутым в сербах и болгарях - *сердце народа* - это то самое, что Австрия пыталась уничтожить в своих южных славянских подданных. Турецкая неволя закалила сердца угнетаемых ею славян, а австрийская неволя растоптала их и сделала безвольными.

Во многом этот пессимистический взгляд оправдан. Борьба южных славян за национальную жизнь прошла через множество фаз и исчерпала себя еще во многих. На протяжении веков южный славянин стоял под защитой "воинствующего Неба", его девизом было "За веру и свободу", ибо вера для него всегда была на первом месте. Вся его культура заключалась в изображении Христа как "Отца и воеводы иллирийских кралей" (отца и предводителя войск королей Иллирии). Святой Крест был превращен в знамя войны, и увлечение этим ложным идеалом завело его так далеко, что *крещеный* заклятый враг стал для него ближе, чем его собственный *некрещеный* брат, а Церковь - дорожке, чем его страна. Но эти черты не зародились в характере южного славянина. Он был воспитан в них и пропитан ими извне, и всегда своими главными врагами - немцами или турками. Немцы сделали крестовые походы своей национальной миссией, а турки обычно шли на войну по религиозным мотивам и называли свои армии воинством пророка. Следуя примеру турок и подражая немцам в присвоении Божества, славянское христианство было заражено фанатизмом Римской церкви и стало синонимом воинственности и духа *кондотьеров*. Сердце народа очерствело, и иллирийцы бездушно пренебрегли своей прекрасной землей, которая должна была стать райским садом. А те, кто был так либерален в своих обещаниях Небес и постоянно взывал: "Царство Твое не от мира сего!", были вполне довольны тем, что все так сложилось, ибо жаждали превратить утраченную империю южных славян в свой собственный земной рай.

К сожалению, эта мрачная страница в истории южного славянства последовала непосредственно за одним из самых блестящих периодов в интеллектуальном развитии культуры южных славян. Это был период, когда национальная культура южных славян расцвела наиболее яркими, красивыми и здоровыми цветами - время Богумилов ("возлюбленных Божиих"), чей просветительский труд распространился из Болгарии по всему славянскому Югу. Богумилы решительно выступали против поэтического

прославления крестовых походов, поскольку понимали, что восхваление такого идеала никогда не сможет открыть разум *еретической* культуре - культуре, основанной на *свободном выборе по совести*, - которая в конечном итоге должна была подорвать основы священной Римской империи и заложить первые прочные фундаменты *истинной* культуры. Богумилы учили, что истинная культура не распространяется крестовыми походами, а проистекает из христианского, человеческого созерцания. Они отвергали личное поклонение и заменяли его поклонением идеалам, духу и мысли. Виклиф, Гус и Лютер всегда упоминаются как главные апостолы *еретической* культуры. Но в лице венгерских крестоносцев Богумилы нашли злейших врагов. Деятельность богумилов в Боснии и Хорватии была задушена в крови, а людей, которые начинали протестовать против лживого культа кесаризма, скрепленного с папизмом, просто убивали во имя Креста. Кровавые бани на полях Боснии привели народ в смятение, но не смогли подавить богумильство. Правда, его продвижение было остановлено в регионе южных славян, но он тайно проник на запад, откуда патарены в Италии и катары, альбигойцы и вальденсы во Франции распространили его по всему миру. Интересно отметить, что в тот самый момент, когда богумильская культура была уничтожена среди самих славян, они завещали этот самый богумилизм остальной Европе - первый и единственный дар южнославянской расы *в целом* для духовной жизни Европы. Это был истинный "*antemurale Christianitatis*" - остатки христианства, очищенные от византийских и римских элементов. *То, что они дали*, было, возможно, не столько их собственным, сколько той *энергией*, с которой они перенесли идеал и доктрину духовной жизни с гор Малой Азии на Запад. Это была работа эмиссаров и форпостов.

В заключение следует отметить, что за время турецкой власти южные славяне перестали быть "изгоями христианства" и стали просто *солдатиками* на службе у иноземцев, безразлично сражающимися за Крест или Полумесяц. Это было страшное время национального унижения, тем более что оно так близко следовало за великой эпохой духовного возвышения. К этому же периоду относится постепенная утрата южными славянами независимости, и с тех пор и до самого последнего времени они не могли *как раса* создать подлинно южнославянскую культуру. Лишь те из них, кто отправился на запад, где богумильство продолжало процветать, нашли путь истинной культуры. Среди этих исключений были Марко Марулич (Марк Марул), спалатинский дворянин, чьи труды были переведены с латыни на все основные европейские языки, и Флавий Иллирик, которого, после Лютера, Германия считает одним из своих величайших учителей. В душе эти люди были просто Богумилами, и не более того. К ним можно отнести и Иоанна Рагузского, который возглавил весь Балеанский собор против папы и предложил спокойно и справедливо договориться с гуситами и манихеями. Именно таким человеком был епископ Штроссмайер в наши дни, о котором я еще расскажу.

Освобождение от Полумесяца положило конец периоду религиозной воинственности среди южных славян. Воинственный элемент, пожалуй, имеет большое историческое значение. Он, конечно, помог южным славянам преодолеть бездны турецкого варварства и обрести свободу в христианском смысле этого слова, но отнюдь не национальную свободу. Когда турецкое нашествие было отброшено и вечные войны закончились, символ меча был заменен на символ плуга, а Бог как Бог больше не украшался оружием, а изображался в более благородном духе как высшая концепция *мира*. И по мере того как люди привыкали к миру и вновь соприкасались с землей, в них рос новый дух, или, скорее, пробуждался старый дух, который на некоторое время был заглушен грохотом оружия, - дух любви к родному дому и общине. Национализм все еще дремал, но, как ангел-хранитель, *национальный язык* следил за его сном. Через бури и стрессы, несмотря на путешествия и общение с иноязычными наемниками, этот язык оставался чистым и неизменным. Это было семя

будущего, из которого проросло великое пробуждение; ведь пока народ сохраняет свой язык, он обладает национальностью.

Свобода совести и превращение воина в земледельца стали также началом перемен в душах народа, который, нащупывая путь назад к своей сущностной красоте, начал ощущать скрытые внутри раны и стремился избавиться от раковой опухоли. Старый красивый уклад жизни, патриархальное семейное чувство и узы единения в общине были восстановлены, и нежные, пронзительные мелодии вновь зазвучали на фермах и в полях. И это возрождение росло и ширилось, пока не привело к откровению национального союза, патриотизма и, наконец, любви ко всему, что принадлежит славянской расе.

Эпоха Наполеона застала этот народ уже полностью сформировавшимся. Они нашли свою душу и знали, чего хотят. Наполеон, который относился к большинству завоеванных им народов без особого внимания, был преисполнен необычного восхищения южными славянами, попавшими под его власть. По Шёнбруннскому миру (14 октября 1809 года) он получил Триест, Гёрц, Карниолу, часть Каринтии, австрийскую Истрию, хорватское побережье с Фиуме и всю Хорватию к югу от Саве. Наполеон объединил все эти страны с французской Истрией, Далмацией и Рагузой в одну "провинцию Иллирию" и тем самым на один короткий миг исполнил самое заветное желание всех южных славян. Иллирия была организована как одна военная провинция, разделенная на шесть гражданских провинций; губернатором был назначен Маршалль Мармон, который именем Наполеона провел масштабные реформы по всей стране. Торговля и промышленность были значительно улучшены, а народу были предоставлены широкие национальные свободы. В школах и судах был отменен немецкий язык в качестве официального, а вместо него введен сербохорватский. Особое внимание было уделено строительству дорог и образованию, а хорватам было разрешено издавать собственные газеты на хорватском языке, что в Австрии считалось бы государственной изменой. Хотя французское правление было недолгим (до 1817 года), *за три года оно сделало для южных славянских земель больше, чем Австрия за последующее столетие.* Но главное, что это правление так эффективно пробудило национальную мысль, что отныне она перестала быть мечтой и стала фактором, с которым нужно считаться. С этого времени начинается неустанная борьба с германизмом и мадяризмом, а также агитация за национальный союз всех южных славян.

Первые плоды полного национального возрождения проявились в большом движении, начавшемся в 1835 году и известном под названием иллиризм. Иллиризм начался с небольшой группы патриотов и поэтов, лидерами которой были Линдевит Гай и граф Янко Драшкович. Они основывали газеты и периодические издания, публиковали патриотические книги и стихи, поднимая национальный энтузиазм народа на высочайший уровень. В этой миссии они успешно обращались за помощью и советом к другим славянам, особенно к чехам и сербам; они же первыми вступили в контакт с Россией. Австро-Венгрия резко попыталась подавить это движение и впервые столкнулась с объединенным народом, стремящимся идти своим путем. Иллиристическое движение не может похвастаться какими-либо положительными политическими результатами, но оно заложило основу для будущей политической и национальной деятельности и сделало неисчислимое количество пионерской работы, которую было бы очень трудно выполнить в последующих условиях. В 1843 году название "иллиризм" было запрещено императорским указом, и австрийские власти надеялись, что на этом патриотическое движение закончится. Но их труды были напрасны. На самом деле под влиянием преследований патриоты перешли от идеалистической литературной кампании к более реальной деятельности. С запретом

иллирийского имени девиз поэтической пропаганды был утрачен, и патриоты должны были направить свою политику по менее сентиментальному пути и начать кампанию холодного рассуждения вместо поэтических чувств. Это было тем более необходимо, что национальное дело оказалось под большой угрозой из-за нескольких новых правил. Вслед за запретом иллирийского имени последовало распоряжение о введении мадьярского языка в хорватских судах. Когда хорватские графы заявили в Вене, что Хорватия имеет право выбирать свой собственный официальный язык и что никто не имеет права вмешиваться в эту привилегию, они встретили грубый отпор. До сих пор правительство едва осмеливалось предпринимать попытки мадьяризации Хорватии, но теперь оно решило провести ее в жизнь, несмотря на вновь пробудившееся национальное самосознание. Теперь хорваты поняли, что речь идет о войне до ножа. Венгерское правительство провозгласило, что все страны и народности, подвластные короне Святого Стефана, должны стать одним народом, одним государством и быть обучены говорить на *одном* языке - короче говоря, они должны стать мадьярами. Они были полны решимости сломить национальное сопротивление сербов и хорватов силой, а лучше всего - коррупцией. В этом предприятии Венгрия нашла умелого помощника в лице Бана Халлера. В Хорватии была организована "мадьярская партия" с целью примирить народ с требованиями мадьяр, но, к сожалению, она состояла в основном из авантюристов и социальных отбросов; работа по мадьяризации не продвинулась, а только еще больше разозлила южных славян. Одним из последствий этой ненависти стало то, что в 1848 году хорваты и сербы с энтузиазмом последовали за баном Еллачичем в кампании против Венгрии.

После заключения мира между Венгрией и Коронай хорваты получили истинно австрийское вознаграждение за помощь в подавлении восстания: они снова были отданы на милость Венгрии. Эта неблагодарность вызвала бурю негодования, но в то же время южные славяне наконец-то усвоили урок. Отныне они не будут искать помощи ни у кого, кроме себя, и решили, что предстоящая борьба должна быть доведена до конца. Лидеры южных славян прекрасно понимали, что революционной пропагандой ничего не добьешься, но их первой задачей должно стать создание основы, с которой они могли бы вести конституционную кампанию. Они создали в Хорватии сильную националистическую партию, которая сотрудничала с далматинской и словенской партиями, изложили свою программу на широкой национальной основе и организовали кампанию пассивного сопротивления среди народа. Конечно, успех этих усилий был во многом обусловлен тем, что Венгрия была ослаблена революцией и склонна к меньшей агрессивности. Хорватия же, напротив, была свежей, сильной и уверенной в себе. Конечно, результаты не были очевидны сразу, но соглашение 1867 года стало следствием единой позиции Хорватии. Это соглашение отнюдь не удовлетворило все чаяния южных славян, но дало им необходимую опору в борьбе с мадьярской олигархией. После заключения соглашения Хорватия получила своего первого конституционного бана, который отныне должен был нести ответственность перед *хорватским парламентом*. К сожалению, король назначил его по рекомендации Венгрии, которая позаботилась о том, чтобы первый бан, барон Левин Раух, был всего лишь выразителем интересов венгерского правительства. Презрение к конституции и коррупция стали первыми плодами соглашения под венгерским влиянием в Хорватии, в результате чего все хорватские патриоты, включая тех, кто помогал заключать соглашение, перешли в оппозицию. Эта оппозиция действовала по жестким конституционным принципам, и по мере возникновения более радикальных партий они образовали конституционно правильную, хотя и бесплодную Хорватскую конституционную партию. Пространство не позволяет мне перечислить все средства, с помощью которых первый "конституционный бан" стремился

выполнить свои приказы из Будапешта. Внезапно навязав новый закон о выборах, он обеспечил себе большое и послушное большинство в парламенте, что фактически препятствовало сотрудничеству оппозиции в национальных делах. Но оппозиция атаковала правительство *за пределами* парламента, через прессу. Когда систематическая коррупция и игнорирование соглашения зашли слишком далеко, М. Мразович, лидер оппозиции, опубликовал сенсационное обвинение против барона Рауха, обвинив его в тайных сделках. Барон Раух подал на Мразовича в военный суд за клевету, но Мразович подтвердил свои обвинения и был оправдан. Барон Раух ушел в отставку, а Националистическая партия одержала свою первую победу. Его сменил Бан Бедекович, еще один венгерский выдвиженец, который, однако, не смог предотвратить триумфальную победу националистов на выборах 1871 года. Венгры утверждали, что эта победа была субсидирована за счет средств России и Сербии, и это обвинение содержит суть всех последующих обвинений в государственной измене. Оппозиция ответила манифестом, в котором четко указала на серьезность многочисленных нарушений конституции. Из-за этого манифеста правительство хотело возбудить дело против лидеров оппозиции за государственную измену, но воздержалось, опасаясь оскорбить европейское общественное мнение. В это время конституционалист Кватерник, хороший патриот, но совершенно непрактичный, начал вооруженное восстание среди крестьянства в районе Раковицы. Оно было подавлено сильными военными силами, а Кватерник погиб. Октябрьский манифест в сочетании с восстанием в Раковице дал Андраши (тогдашнему министру иностранных дел) повод выступить против всех форм славянофильской политики и приписать и манифест, и восстание русскому влиянию.

Провозглашенная тогда политика остается в силе и по сей день. Жестокий империализм свирепствует в Хорватии, а Соглашение стало просто "клочком бумаги". Но угнетение рождает противодействие, и в эти критические времена южные славяне нашли не только своего величайшего тирана, но и величайшего патриота. С 1883 по 1903 год граф Карл Хуен-Хедервари был баном Хорватии, и двадцать лет его правления были самым черным периодом с точки зрения политического, экономического и личного бесправия. Бесчисленные мадьярские школы были разбросаны по всей стране, чтобы способствовать денационализации народа; шпионаж и тайная полиция процветали, как в темной России. Архивы государства с конституционными хартиями Хорватии, Славонии и Далмации были включены в государственный архив в Будапеште, и, наконец, само Соглашение было сфальсифицировано путем наклеивания бумажки с указанием Фиуме как "*Corpus separatum adnexæ rex*", превратив его в "*Corpus separatum adnexæ Hungariam*", в результате чего этот важный хорватский морской порт стал исключительно венгерской собственностью. Но в этот же период были отмечены труды величайшего из всех южных славян, благодетеля и отца своего народа, епископа Йосипа Юрая Штроссмайера.

II.

Епископ Штроссмайер (1815-1905) был самым щедрым благотворителем своего народа, его величайшим покровителем науки и искусства, а также воплощением его политической программы. Он был первым, кто разрушил местные искусственные барьеры между сербами и хорватами, первым, кто проповедовал Евангелие единой Югославии. Работая в период, когда всякое национальное усилие всячески подавлялось, когда славянские симпатии считались государственной изменой, он поднялся до неприступного положения, которое позволило ему наложить отпечаток своей мощной личности, как лейтмотив, на всю историю южных славян девятнадцатого столетия. Родившийся в крестьянской семье и, как все одаренные славянские мальчики, предназначенный для церкви, Штроссмайер начал свою

патриотическую деятельность, еще будучи студентом и молодым священником, присоединившись к движению иллиристов. Вскоре его исключительные способности были замечены в связи с национальным движением, и в Вене и Будапеште проснулись опасные возможности его личности. Решив положить конец его патриотическим трудам, они назначили его придворным капелланом, полагая, что общество двора со всем его великолепием и весельем ослепит молодого красивого священника и отвратит его от служения родине. Но Штроссмайер использовал свое положение самым неожиданным и дипломатичным образом. Ему блестяще удалось обмануть окружение относительно своих симпатий, и, когда ему едва исполнилось тридцать лет, он добился назначения на епископский престол в Джакове. Здесь же он стал владыкой Боснии и Сирмии, а вскоре после этого был назначен губернатором Вировицкого округа.

С этого момента началась активная деятельность Штроссмайера на благо своего народа. Занимая видное положение и имея в своем распоряжении огромные доходы своего епископства, он открыл шлюзы своей деятельности, и Вена и Будапешт с ужасом и изумлением увидели, какую ошибку они совершили. Штроссмайер возглавил националистическую партию; в парламенте, где он занимал свое место в двойном качестве епископа и избранного депутата, он показал себя блестящим оратором, тонким политиком и проницательным дипломатом. Он был воплощением острой, но решительной и мудрой оппозиции. Он также стал интеллектуальным лидером своего народа и добился большего, чем кто-либо до него. Он основал Академию наук и искусств южных славян, которая самым фактом своего основания олицетворяет интеллектуальное единство южных славян. Он также основал Хорватский университет; будучи большим знатоком искусства, он потратил годы на накопление прекрасной частной коллекции, которую подарил нации. Он построил собор в Джаково и за свой счет отправил сотни молодых сербов и хорватов в зарубежные художественные школы и университеты. Любое интеллектуальное начинание, будь то литературное, художественное или научное, находило в нем щедрого покровителя. Все его доходы были посвящены благосостоянию нации, а суммы, которые Штроссмайер тратил на приумножение величия и славы своей страны, исчислялись многими миллионами в течение долгих лет его правления. Но самым заветным его желанием было воплощение югославского идеала, разрушение всех местных барьеров между сербами и хорватами и создание единого народа. С этой целью, несмотря на свое положение в Римско-католической церкви, Штроссмайер дошел до того, что выступил за то, чтобы сербская Гржеко-православная и хорватская католическая церкви объединились и стали одной национальной церковью. Он понимал, что будущее его народа не может быть реализовано в рамках монархии, но оно должно быть отождествлено с будущим всех других южных славянских народов и основано на чисто славянской основе. Штроссмайер не ограничивался тем, что завоевывал для этой идеи новообращенных среди своего народа. Он прекрасно понимал, что в решающий момент нации потребуется мощная поддержка извне, и, рискуя быть обвиненным в государственной измене, вступил в дружеские отношения с Россией, которые должны были приблизить большого и могущественного брата Севера к его обездоленному младшему брату на Юге. Ему удалось найти влиятельных друзей в России, как и в других странах, и его нация до сих пор гордится его дружбой с царем Александром III, Львом XIII, Гладстоном, Криспи и Гамбеттой. До появления Штроссмайера в списках никто в Европе не проявлял ни малейшего интереса к проблеме южных славян. Скользящая дипломатия Вены, равной которой по двуличности может быть только дипломатия Турции, на протяжении веков успешно отвлекала внимание Европы от южных славянских народов в составе монархии, и общее представление о них сводилось к тому, что они - орда нецивилизованных полуварваров, которых Австрия кормит ценой больших жертв и с которыми она обращается с величайшей терпимостью. Очки, через которые Европа смотрела на эти народы, были

сделаны в Вене и Будапеште, и никто не позаботился о том, чтобы привлечь к проблеме независимый, непредвзятый ум. Многие патриоты южных славян предпринимали отчаянные, но тщетные попытки донести до европейской общественности хоть крупицу правды; иезуитская Вена и иудаизированный Будапешт были слишком сильны для них. Мир больше думал о бесцветной анациональной австрийской культуре и заимствованной псевдокультуре мадьяр, чем о культуре славян, которая на протяжении тысячи лет была спонтанным выражением их национальной индивидуальности, с литературой, достойной лиры Гомера. Не только политика Австро-Венгрии, но и сама эпоха была неблагоприятна для южных славян. Они не имели никакого значения для европейского баланса сил; и одна из самых горьких ироний истории заключается в том, что в течение очень долгого времени южные славяне боролись не столько за свои собственные преимущества, сколько за интересы Европы. Ведь если на протяжении столетий южные славяне были оплотом против волны османского нашествия с Востока, то впоследствии они стали столь же мощным оплотом против нарастающей волны германизма *на* Востоке. Всеми фибрами своего существа они держали ворота Востока закрытыми против любого врага - не только для себя, но и в интересах европейской цивилизации.

Штрессмайер был первым, кому удалось вновь пробудить интерес Европы к этой борьбе, и, даже если его усилия не увенчались немедленным практическим успехом, он, по крайней мере, сумел поставить под сомнение самодовольные заверения Вены и Будапешта. Штрессмайер был человеком с огромным характером, и его слово неизменно принималось на веру. Кроме того, он был мастером в искусстве *не говорить слишком много*, избегая тем самым видимости преувеличения. Даже в своей всемирно известной речи на Ватиканском соборе (1871 год, при Пие IX), когда он шестнадцать часов подряд говорил на латыни против доктрины непогрешимости папы, он оставил кое-что недосказанным, поскольку был прерван "в середине своей речи" архиепископом Парижским, который обнял и поцеловал его и заверил, что сказанное им уже достаточно убедительно.

Деятельность Штрессмайера преследовалась с беспощадной враждой в Вене и Будапеште, и, хотя он был самым любимым человеком среди своего народа, он был самым ненавистным врагом для немцев и мадьяр. Они всеми возможными способами пытались свести к минимуму его власть и агитировали в Ватикане за его отзыв в Рим. Но Лев XIII. был не только личным другом Штрессмайера, но и другом славян, и венская дипломатия не достигла своей цели. Затем последовали позорные интриги и попытки представить Штрессмайера предателем. Среди прочих обвинений утверждалось, что он обменивался с царем инкриминирующими телеграммами, в которых якобы выступал за отторжение южнославянских провинций от Австрии. Ответ Штрессмайера на эти инсинуации был поистине характерным. Через несколько лет после этого предполагаемого обмена телеграммами император Франциск Иосиф приехал в Хорватию на грандиозные маневры, и епископ Штрессмайер был одним из гостей на большом приеме в Беловаре, где находилась его штаб-квартира. Император воспользовался случаем, чтобы резко отчитать епископа за его поведение. Штрессмайер с такой же резкостью ответил: "Моя совесть чиста, Ваше Величество", после чего грубо повернулся спиной и демонстративно вышел из зала. Обстоятельства не позволили отметить мужество Штрессмайера, но народ радовался этому новому доказательству того, что его защитник не боялся риска, когда речь шла о защите свободы и интересов его народа.

Штрессмайер был не мечтателем, а прежде всего практичным государственным деятелем. Он знал, что тот, кто надеется на окончательный успех, должен сначала тщательно

подготовить почву. Любая попытка силой оторвать южнославянские королевства от монархии была бы нежелательной, более того, опасной и бесполезной. Поэтому политическая партия, лидером которой был Штроссмайер, поставила своей задачей следить за неукоснительным соблюдением условий Соглашения, прекрасно понимая, что строгое соблюдение Соглашения - хотя бы на время - даст народу столь необходимый шанс на экономический подъем, а значит, проложит путь к будущей независимости. В этой политике их поддержал весь народ, который своим единодушием доказал их политическую состоятельность. Двадцатилетняя мученическая смерть графа Хуен-Хедервари не ослабила нацию, напротив, она окрепла в испытаниях, и, устремив взор на своего духовного наставника и защитника, неуклонно шла вперед к своей цели. Подкуп, запугивание, вечные суды за государственную измену, тюрьма и виселица - все это только подстрекало Хуен-Хедервари к дальнейшему сопротивлению. Когда, сгорбившись от старости, Штроссмайер, наконец, вынужден был отказаться от активного участия в политике, мы увидели, как люди, которых вдохновлял его дух, внезапно ополчились на своих угнетателей. В 1903 году вся страна как один человек подняла восстание, и власть Хуен-Хедервари была сломлена. Даже ему пришлось признать, что его двадцатилетнее правление безжалостного угнетения привело лишь к поражению его собственной цели, что оно объединило людей, которых он стремился ослабить, и укрепило тех, кого он надеялся уничтожить.

Штроссмайер дожил до отставки Хуэна, и последние дни его жизни были отмечены отблеском света, который, увы, оказался лишь иллюзорным, пролитым на путь его страны; однако, закрывая глаза, он понимал, что не напрасно отдал Хорватии все свои силы и что недалек тот час, когда его идеалы станут реальностью.

Он умер в 1905 году, но его дух продолжает жить в его народе, и память о нем сияет среди них, как путеводная звезда, указывающая путь.

III.

Народное восстание 1903 года открыло новые каналы для национальной борьбы; оно также стало прелюдией к самому тяжелому и горькому времени, с которым южнославянскому народу еще предстояло столкнуться. Преемником Хуэна стал граф Теодор Пейячевич, хорватский дворянин, который не был великим государственным деятелем, но, по крайней мере, хорошим административным чиновником. Он подарил отвлеченной стране короткое время спокойного, справедливого правления и заслуживает большой благодарности за ликвидацию коррупционной системы Хуэна. Тем временем сильно националистические партии в Хорватии образовали блок - *сербо-хорватскую коалицию*, - и граф Пейячевич оказался не в состоянии собрать провенгерское большинство в парламенте. Вскоре после этого венгерская оппозиция также вступила в конфликт с короной, и ситуация осложнилась как в Венгрии, так и в Хорватии. Венгерская оппозиция обратилась к сербохорватской коалиции за поддержкой в борьбе и пообещала, что в случае возвращения их партии они удовлетворят все требования Хорватии, закрепленные в Соглашении 1867 года. Переговоры вели Франциск Кошут и Геза Полоньи от имени Венгрии и Франо Супило как делегат сербохорватской коалиции. Результатом этих переговоров стала резолюция Фиуме (октябрь 1905 г.), которая предусматривала политическое сотрудничество между венгерской и сербохорватской партиями и обеспечивала значительные преимущества Хорватии в случае успеха. Фиумская резолюция была во всех отношениях шедевром политики и дипломатии и во всех деталях являлась заслугой Франо Супило, который в то время был популярным лидером в Хорватии. На выборах 1905 года коалиция одержала блестящую победу. Не было выдвинуто ни одного кандидата от правительства, а небольшая оппозиция состояла из партизан некогда идеалистической, патриотической конституционалистской партии Анте

Старчевича, которая, однако, после его смерти перешла под контроль еврейских адвокатов и была привержена чисто австрийской *христианско-социалистической политике*. Поскольку венгерская оппозиция также одержала победу, хорватский кабинет был составлен из представителей сербо-хорватской коалиции, а граф Пейачевич был оставлен на посту "*ut conditio sine qua non*". Хорватия получила короткую передышку и начала надеяться на лучшие времена. Но ее надежды вновь были обречены на разочарование. Вероломные мадьяры снова не сдержали своего слова. Пока сербы и хорваты были им *нужны*, они были полны любви и братства, но, добившись своего, сбросили маску ложной дружбы. Франциск Кошут, став в 1907 году министром торговли в венгерском кабинете министров, внес законопроект о контроле над железными дорогами, который был самым *вопиющим и возмутительным* нарушением Соглашения. Он предусматривал, что отныне языком, используемым на железных дорогах, даже на хорватской территории, должен быть *венгерский*, хотя в Соглашении, которое стоит на месте основного конституционного закона, было специально оговорено, что *хорватский* должен быть официальным языком во всех совместных офисах на хорватской территории. Сербохорватская коалиция, представленная сорока депутатами в венгерском парламенте, восстала против этого законопроекта и объявила венгерскому правительству войну до ножей. Конфликт в венгерском парламенте известен всей Европе. Хорваты и сербы проводили политику обструкции, которая практически парализовала работу палаты и сделала парламентское обсуждение законопроекта о железной дороге совершенно невозможным. Чтобы добиться его принятия, Кошут так сформулировал свой законопроект, что он содержался в одном пункте, дающем правительству право решать прагматические (административные дела страны) по своему усмотрению в рамках порядка дня.

Разрыв с Венгрией был завершен. Сербо-хорватская коалиция перенесла конфликт в Хорватию, а народ начал агитировать за отделение от Венгрии. Парламент был распущен, но коалиция вновь одержала победу на выборах. После отставки хорватского правительства баном был назначен Александр Ракодчай, но, не сумев создать дружественную правительству партию, он был вынужден через два месяца сложить свои полномочия. Следующим баном был назначен барон Пауль Раух, который смело вошел в свою столицу Загреб, но был встречен враждебными демонстрациями и камнями. О его мужестве говорит то, что он не пострадал от такого приема и даже с большой помпой представился в парламенте. Его прием в парламенте был одной из самых ярких демонстраций враждебности, так что он даже не смог прочитать королевское послание. Ему пришлось покинуть здание вместе со своим министерским штабом, и в тот же день парламент был официально распущен. Барон Раух сформировал правительственную партию из продажных выскочек и дискредитированных персонажей, заручился поддержкой уже основательно деморализованной "партии конституционалистов" и приказал провести новые выборы. Было сделано *все возможное* для запугивания избирателей, в результате чего ни один из кандидатов Рауха не был избран. Парламент был распущен, даже не будучи созданным, и Раух начал править террором, который можно сравнить разве что с немецким в Камерунах. Он организовал еврейско-конституционную партию в отряды, которые назывались "Черная рука". Их девизом было "За императора и за Хорватию", а их оружием - убийства и нападения, которые они могли безнаказанно применять против своих противников. В то же время было организовано судебное преследование сербов. Но даже эта тирания не смогла сломить национальное сопротивление.

В этот момент возникла новая непредвиденная ситуация. Монархия готовилась аннексировать Боснию и Герцеговину, и нужно было найти подходящий предлог. Правительство придумало "*великосербскую агитацию*". Героическая борьба сербо-

хорватской коалиции была представлена как результат великосербской агитации, а барону Рауху было поручено разоблачить этот "широкомасштабный преступный заговор". Летом 1908 года, к изумлению и ужасу народа, было арестовано большое количество сербов, главным образом священников, школьных учителей и бизнесменов, а официальная пресса с триумфом объявила, что ужасная, широко распространенная и в высшей степени предательская пропаганда раскрыта! Предварительное следствие длилось долго, и 3 марта 1909 года начался процесс над "изменниками", которые вступили в сговор с Сербией с целью отторжения всего славянского Юга от монархии. Процесс длился до 5 октября, когда все обвиняемые получили весьма суровые приговоры. Сразу после этого австрийский историк доктор Генрих Фриджюнг заявил в венской газете Neue Freie Presse, что лидеры сербо-хорватской коалиции также замешаны в этом заговоре, особенно Франо Супило, Грга Тушкан и Божидар Винкович, и что его обвинение основано на документальных доказательствах. После этого вся сербохорватская коалиция возбудила против д-ра Фриджюнга дело о клевете. Результат этого дела, которое рассматривалось в Вене, произвел сенсацию в Европе. *Было убедительно доказано, что все документальные свидетельства против коалиции, как на загребском, так и на венском процессах, были подделаны по приказу министра иностранных дел барона Эренталя и австрийского посла в Белграде графа Форгаха.* Фриджюнг сам признался в этом на суде. Следствием этого беспрецедентного разоблачения стало то, что король-император был вынужден отменить приговоры, уже вынесенные на загребском процессе.¹⁷ Тем временем, однако, желаемая цель была достигнута, и Босния-Герцеговина была присоединена вопреки воле всех славян.

Но, за исключением скандальных подробностей, связанных с аннексией, миссия барона Рауха была блестяще выполнена. Вскоре после этого вероломное правительство Кошута было отправлено в отставку, а премьером стал старый угнетатель Хорватии граф Хуен Хедервари. Однако Хуен был личным врагом Рауха, что послужило причиной его отъезда. Вместо него баном Хорватии был назначен Николаус фон Томашич - виднейший и высокочтимый хорватский ученый, но политически сателлит Хуена. Он сделал все возможное, чтобы восстановить порядок, и с этой целью вел переговоры с сербо-хорватской коалицией. Франо Супило самым решительным образом протестовал против этого. Он уже имел богатый опыт мадьярского вероломства и не хотел, чтобы его народ снова попал в ловушку. Но коалиция, возможно, устала от борьбы, возможно, все еще надеялась на справедливость, и поэтому заключила с Томашичем договор, который делал возможным мирное правление при условии соблюдения прав нации. На основании этого договора несколько кандидатов от правительства были выдвинуты на следующих выборах, после чего Томашич сразу же проигнорировал коалицию и стал править только со своей собственной партией. Пророчество Супило исполнилось, и коалиция вновь была вынуждена присоединиться к оппозиции. Томашич был свергнут, но в ответ австро-венгерское правительство прислало герра фон Кувая, комиссара по борьбе с терроризмом, и приостановило действие конституции. Это были дни самых страшных несчастий и беспринципной тирании в Хорватии. Кувай правил с помощью нокаута и только нокаута. Процветал полицейский шпионаж, а все личные, политические и гражданские свободы были сведены к нулю. Все это время шла Балканская война, и горе тому сербу или хорвату, который осмеливался радоваться победам своего брата. Но когда Балканский союз одержал победу, южные славяне поняли, что отныне они могут рассчитывать на определенную поддержку со стороны своих сородичей. Вена и Будапешт оказались не менее проникательными и осознали целесообразность изменения своей тактики. Кувай был отозван, а граф Стефан Тиса, один из самых заядлых врагов славян, отправил в Хорватию барона Скерлеча с инструкциями по примирению с хорватами. Убогая сербо-хорватская коалиция снова поддалась на уговоры и в третий раз заключила губительный договор с

Венгрией. На этот раз одним из последствий стала экспроприация хорватского морского побережья в пользу Венгрии. Кроме того, в условиях нынешнего кризиса коалиция оказалась беспомощной перед правительством.

Но народ выстоял. Тяжелые страдания последних лет породили новое и здоровое движение, в которое входит вся молодежь Хорватии. Молодое поколение потеряло веру в политические партии и начало идти своим путем, ведущим прочь от Венгрии и Австрии, к единению со своими разрозненными сородичами. Их цель - создание великого, свободного и независимого государства южных славян. Во главе этого молодого поколения стоит человек с магнетической личностью - Франо Супило.

IV.

Положение южных славян в Далмации, Карниоле и Истрии было немногим лучше, чем у их братьев в Хорватии и Славонии. Я уже упоминал об экономической запущенности Далмации. В политике германизация проводилась примерно так же, как мадьяризация в Хорватии. Далмация, к сожалению, не имеет независимости даже на бумаге, и поэтому ее угнетение может носить вполне конституционное обличье. Далматинский "Сабор", как и саборы Истрии и Карниолы, - это собрание, находящееся пока на милости вице-короля, который никогда не решится его созвать, если не будет уверен, что не будет принято никаких неудобных постановлений. Как правило, эти "саборы" находятся в состоянии длительного покоя, а народ представлен только своими делегатами в венском рейхсрате. Там эти делегаты, конечно, ведут отважную борьбу, но их слишком мало, и их голос заглушается огромным немецким большинством. Из-за этого, а также по вине словенской римско-католической партии, Карниола сильно германизировалась, особенно в том, что касается управления школами. Но далматинцы и истринцы - крепкий, прогрессивный народ, славянин до мозга костей, и все попытки германизировать их оказались такими же тщетными, как биение волн о берег. Помимо немецкой опасности, этот народ сталкивается с итальянской опасностью. По оппортунистическим соображениям австрийское правительство всегда благоволило итальянскому элементу (4 процента в Истрии и 2 процента в Далмации) и предоставляло ему уступки, которые привели к самым абсурдным аномалиям. Например, закон о выборах в Истрии составлен таким образом, что 96%. Словенцы и хорваты посылают в Вену меньше делегатов, чем 4 процента итальянцев. итальянцев. Такая же несправедливость царит в законе о выборах в приходские советы, но, несмотря на это, итальянцы никогда бы не обеспечили себе большинство, если бы специальные постановления правительства не заставляли всех чиновников и государственных служащих голосовать по-итальянски. *Если сегодня Италия, по-видимому, может претендовать на сферу интересов в Истрии, то это результат случайного положения дел, произвольно созданного австрийским правительством.* В качестве примера такой политики приведу тот факт, что незадолго до начала войны правительство всерьез рассматривало вопрос об основании итальянского университета для населения в 700 000 душ, в то время как упорно сопротивлялось созданию словенского университета для 1 400 000 словенцев и хорватов в Карниоле и Истрии. Разумеется, такая политика сделала итальянцев агрессивными, и они продолжали расширять сферу своих интересов, пока она фактически не включила в себя острова Кварнеро, хотя на этих островах нет ни одного итальянского жителя, а *сами острова являются самым священным владением южных славян.* Они являются единственным местом на славянской территории, где до сих пор говорят на старославянском языке. Этот факт наглядно подтверждают публикации Академии южных славян, а также Российской академии, которая из года в год отправляет своих ученых на эти острова для изучения языка. В провинции Далмация население само сняло итальянский вопрос с повестки дня, и местное

правительство Задара (Зары) - единственное владение, да и то весьма проблематичное, на которое могут претендовать итальянцы, и то лишь из-за поистине средневековых законов о выборах. Как только на землях австрийской короны было введено голосование по бюллетеням на парламентских выборах, хорватский кандидат получил большинство в 7 000 голосов над своим итальянским коллегой.

Проитальянская позиция Австрии была и остается такой же неискренней, как и вся ее политика. Она просто продиктована принципом "*разделяй и властвуй*", потому что союз между славянами и итальянцами был бы фатальным для правительства. Одна национальность была задействована против другой, а итальянцы оказались готовым орудием в руках Австрии. Влияние итальянской культуры, которая на протяжении веков с любовью и восхищением принималась южными славянами, создало италоязычную культурную зону на побережье Адриатики; и итальянцы, при поддержке австрийского правительства, максимально использовали эту зону, пока у них не хватило наглости включить ее в сферу своих *национальных* устремлений. Таким образом, Австрия создала врага как для себя, так и для славянских народов, врага, с которым южные славяне никогда прежде не имели реальных разногласий. Антагонизм привел к ожесточенным конфликтам, и если славянское население Далмации и Истрии начало испытывать отвращение к итальянской зоне культуры, то исключительно в целях самозащиты и из страха заплатить своим национальным существованием за дружбу и восхищение веков. Сегодня сами итальянцы признают, что Далмация и Истрия - исконно чистые славянские страны. Вероятно, нынешняя борьба открыла им и истинную цену австрийских милостей.

В Боснии и Герцеговине Австрия проводила такую же бессердечную политику. Из трех религий *одного* народа она сделала *три* национальности, а затем разжигала между ними рознь. Особенно жестокой была ее политика в отношении сербов, которые составляют большинство населения, а также являются более высокообразованным элементом населения и поэтому более способны оказать эффективную поддержку справедливым требованиям Сербии. Австрия нисколько не была заинтересована в процветании страны и лишь создавала нестерпимый хаос своими политическими интригами в стране, которая и без того страдала нестерпимо. Ее доказательства цивилизованности, выставленные перед Европой, были чистым мошенничеством, а аннексия Боснии и Герцеговины - одним из самых вопиющих актов несправедливости, когда-либо совершенных по отношению к нации.

Если нынешняя война будет решена в пользу союзников - а об этом молятся *все* славяне, - то необходимо будет раз и навсегда решить проблему южных славян. Это может быть сделано *удовлетворительно* только путем соблюдения принципа национальности и справедливого разграничения различных национальных зон. На спорных территориях, таких как Истрия или острова Кварнеро, решение должно быть принято на референдуме.

Славян достаточно долго мучили. Веками они защищали европейскую цивилизацию от нашествия *османского ислама*, который всегда был синонимом фанатизма, варварства и лени, и его никогда не следует путать с *арабским* или *индустским исламом*, которому весь мир науки, искусства и философии вечно обязан. Австрия и Пруссия - естественные наследники османского ислама, и южные славяне героически противостоят этому последнему *прусскому исламу*.

Цивилизация в неоплатном долгу перед ними, и Европа должна отдать им справедливость.

ЭПИЛОГ.

"ПОГРЕБЕННЫЕ СОКРОВИЩА" ДМИТРИЯ МИТРИНОВИЧА

Если говорить в целом, то южные славяне делятся на словенцев, сербохорватов и болгар, но из этих трех ветвей только словенцы и сербохорваты являются расово идентичными. Говоря о политическом государстве южных славян, государстве, которое в будущем будет доминировать *на всем* Балканском полуострове, было бы неправильно не включить в него болгарскую нацию. Однако основную культурную "единицу" среди южных славян составляют сербохорваты, а за ними следуют словенцы. Ядро, животворящий элемент семьи южных славян и ее культуры составляют южные славяне Сербии, Старой Сербии, Черногории, Боснии, Герцеговины, Хорватии, Далмации и Сербской Венгрии, или, если называть их коллективным именем, сербохорваты. Сербохорваты, и особенно собственно сербы (сербы Старой Сербии и Сербии), всегда возглавляли авангард сербохорватской политической жизни; два величайших культурных достижения южных славян, а именно: 179 национальная поэзия и индивидуальная архитектура и скульптура Ивана Мештровича, всегда ассоциировались с сербами Сербии. Падение Сербской империи - главная тема творчества Мештровича, как и национальной поэзии южных славян, и поэтому стало привычным, если не строго правильным, говорить о всей поэзии южных славян как о сербской национальной поэзии, а о великом художнике южных славян - как о великом сербском художнике.

Мы говорим о южнославянской поэзии и об Иване Мештровиче, нашем южнославянском Микеланджело, как о "зарытых сокровищах". В каком-то смысле всю славянскую цивилизацию можно назвать зарытым сокровищем. Русская и славянская литература в целом намного превосходит свою репутацию в Западной Европе. Оттокара Брезину, знаменитого чешского поэта, переводят и читают в славянофобской Германии, но не в союзных Франции и Англии; потому что в наши дни народы чаще сближаются войной и путешествиями, чем цивилизацией и нашей общей человечностью.

Западная Европа была еще менее справедлива к южным славянам, чем к любому другому славянскому народу; и те, кто так дорого заплатил кровью и страданиями за свою свободу, менее известны и признаны, чем любой другой европейский народ, несмотря на большие исторические заслуги сербов и значение их культуры; - внимание, проявленное Европой к одной династии, было больше, чем ее справедливость к части человечества. Необходим был всеобщий пожар и разрушение старого порядка вещей, прежде чем Европа научилась ценить миллионы человеческих существ выше, чем принципы ушедшего поколения или пафос старости. В будущем мы можем надеяться увидеть справедливую Европу, которая будет смотреть на сербов не как на нацию цареубийц, а как на народ, восставший против тайных договоров с Габсбургами, а на южных славян - не как на предателей, а как на демократический народ, не желающий быть уничтоженным. Когда словенцы Истрии, Карниолы, Штирии и Каринтии вместе с сербохорватами образуют сильное, процветающее и свободное, хотя и небольшое государство, их культура будет развита в полной мере, венчая и объединяя жизнь южных славян.

Эта растущая цивилизация Великой Сербии, которую можно назвать *Югославией*, соберет воедино разрозненные нити истории сербского искусства в прошлом. Тогда мы уже не будем говорить о "словенской живописи", "хорватской драме", "старосербском гобелене", "сербском фольклоре". Литература одного и того же народа перестанет дробиться на "литературу Рагузы", "литературу островов и побережья Далмации", "боснийскую", "хорватскую" и "сербскую" литературу. Все это, вместе с национальной жизнью в

государстве, составит *совокупность южнославянской нации*. Две культурные зоны: западноевропейская зона хорватов и словенцев и восточно-византийская зона сербов; три религии: православная, католическая и мусульманская; две формы письменности: латиница у хорватов и кириллица у сербов; все это, а также некоторые различия в речи, только добавляют богатства и оригинальности культуре южных славян. Когда эта Великая Сербия или *Югославия* станет третьей великой цивилизацией Балкан (первая была эллинской, вторая - византийской), южные славяне станут новым фактором европейской цивилизации и политики, а великое искусство сербской национальной поэзии и творчество югославского художника Мештровича перестанут быть зарытыми сокровищами. Сербская музыка, литература и наука, хотя они существовали и продолжают существовать, только тогда будут известны и признаны.

Судьбе южных славян выпало выполнить миссию в европейской истории: Сербия и сербохорватская раса стали оплотом Европы и христианства против нашествия турецких варваров и ислама. Мученичество южных славян длилось веками, это было унижительное прозябание под варварским монголизмом турок-османов и тяжелая, непрекращающаяся борьба за достоинство человечества. Это был период неописуемых страданий от варварства низшей расы, одна из самых тяжелых битв за существование, которую знал мир. Продолжить или реализовать планы великих правителей Неманичей было невозможно. Все попытки объединить народы Хорватии и Боснии были бесплодны: *никогда в истории Европы ни один народ не жил столько веков в таком ужасном политическом бессилии и разъединении, как сербохорватский и словенский народы*. Италия в эпоху Возрождения и Германия до освобождения находились, по сравнению с южными славянами, в хорошо организованном и здоровом состоянии.

Так получилось, что у нас нет сербской истории искусства, а есть только различные провинциальные истории - старосербская, македонская, далматинская, боснийская, история сербского искусства в Венгрии, словенская и новосербская.

Ожесточенная вражда Австро-Венгрии к Сербии, которая неуклонно углублялась и в конце концов стала непосредственной причиной европейской войны, началась с русофильского и южнославянского направления сербской политики после серии съездов южных славян, которые состоялись в Белграде во время коронации короля Петра в 1904 году. Новой политикой Сербии, после отмены самоубийственной и унижительной проавстрийской политики династии Обреновичей, стала *расовая политика*, прорусская, проболгарская и демократическая, которая восстановила стабильность и порядок в государстве и привела к созданию Балканского союза в 1912 году. Сербия возрождалась, стремилась объединить разрозненную, провинциальную культуру в одну великую культуру Великой Сербии или всех южных славян. По этой причине лишь совсем недавно стало возможным говорить об объединении культурных усилий сербо-хорватов.

Консолидация истории и культуры южных славян только начинается, и появление художника-пророка Ивана Мештровича, далматинского католика, является центральным событием в истории искусства южных славян. Он - пророк третьего, или южнославянского, балканского государства, который провозглашает, что историческая задача Сербии - освободить южных славян и объединить их не только в политическом, но и в духовном смысле; и он символизирует этот идеал в своем великом искусстве, которое является живой душой архитектуры и скульптуры храма Косово и всех южных славян. Когда Балканы будут освобождены от османского ислама и турок, когда будет создана сильная и прогрессивная

федерация южных славян, включающая Болгарию, Руманию, Грецию и даже Албанию, тогда мы сможем увидеть триумфальный взлет зрелой и типично южнославянской культуры. Когда все народы получают по заслугам, когда им будет позволено свободно развиваться, тогда и только тогда на залитом кровью полуострове наступит мир. Сильная и процветающая Югославия заинтересует мир как в политическом, так и в экономическом плане; мнение о том, что южные славяне - нецивилизованная раса, исчезнет, а огромные заслуги сербохорватов и словенцев в области искусства и литературы будут признаны и оценены по достоинству. Если мы включим в число этих достижений храм Мештровича в Коссово, то сможем с полным правом утверждать, что внесли свой вклад в величайшее достояние человеческой культуры на все времена.

Жизненный труд сербских монархов из династии Неманичей, направленный на включение Сербии в зону тогдашних цивилизованных народов Европы, не был реализован из-за падения Сербской империи перед турками. Сербо-византийская архитектура монастырей и церквей, которыми изобилуют Македония и Сербия, служит прекрасным доказательством результатов этой работы, наиболее важными примерами которой являются Студеница (1198), Дечани (1331) и Грачаница (1341). Несколько лет спустя культура в Далмации достигла больших успехов, но это был не спонтанный, национальный рост, а скорее отпрыск славянизированной латинской культуры, и в нем было больше от Венеции и Ренессанса, чем от Далмации и южных славян. Более того, художники, ученые, философы и писатели Далмации уехали в Италию и были потеряны для своей нации. Бедные, обездоленные, нецивилизованные страны южных славян не могли обеспечить своих художников средствами к существованию. Знаменитый математик, философ и астроном Роджер Бошкович уехал в Рим, Париж и Лондон; Николо Томассо, серб из Севенико, основал итальянский литературный язык. Юлий Ловранич (Лаурана), выдающийся архитектор своего времени, был сербом из Далмации и в свое время учителем Браманте; а Франьо Лаурана из Палермо, родственник Юлия, занял высокое место в истории искусства благодаря своей скульптуре; особенно его прославили прекрасные женские портретные бюсты. Подобным образом многие сербы оказались в других странах. Например, Петр Крижанич, хорват, был первым панславистом; за свои реформы и европейскую пропаганду в России он был сослан в Сибирь. И по сей день капитаны далматинских кораблей являются не только представителями этой страны во всем мире, но и великие ученые и изобретатели, такие как Пупин и Никола Тесла.

Всякий раз, когда часть сербской территории становилась независимой или хотя бы на короткое время обретала сносные условия, стремительно развивалась интенсивная творческая культура, даже после падения империи и во времена рабства. На протяжении многих поколений большая часть сербов жила и продолжает жить в рабстве. Сербь под турецким владычеством были освобождены всего два года назад, а освобождение славян Габсбургской монархии только начинается. В соответствии с изменениями в политической судьбе южных славян, а также с улучшением или ухудшением материального положения народа, центры славянской литературы перемещались с места на место. Эта прискорбная неорганизованность и, как следствие, бессилие были бичом сербской или южнославянской литературы. Рагузанская литература, литература далматинского побережья и островов, с ее оригинальными творениями и многими прекрасными переводами греческой драмы - Гомера, Вергилия и Горация, Данте, Петрарки, Боккаччо, Тассо, Ариосто - все это не имело значения для последующего развития литературы в Хорватии, Сербской Венгрии, Боснии или Сербии. В настоящее время словенская литература не имеет признанного родства с сербохорватской, которая в определенной степени стала единой. Великие хорватские поэты Петр Прерадович, Иван Мажуранич и Сильвий Краньчевич почти не читаются в Сербии из-за

ожесточенных политических разногласий и австрийской политики "*разделяй и властвуй*". По этой же причине хорваты почти не знают величайших южнославянских поэтов, таких как черногорец Петр Петрович Негош или серб из Венгрии Лазарь Костич. Историк и философ Божо Книжевич и метафизик Бранислав Петрониевич мало известны в Боснии, потому что они сербы из Сербии, то есть из антиавстрийской Сербии. Поэтому неудивительно, что культура южных славян неизвестна в Европе, когда она практически неизвестна даже в Югославии; когда Мештрович, бессмертный художник Югославии, архитектор и скульптор сербского Акрополя, неизвестен своим соотечественникам за границей.

В настоящее время нация борется за свою жизнь. *Inter arma silent musæ*, и когда нация переносит сначала оккупацию, а затем аннексию сердца своей территории; когда она вынуждена вести непрерывную войну, даже в так называемое мирное время, против такого непримиримого соседа, как Австро-Венгрия; когда сила нации поглощена одной лишь борьбой за *существование*; тогда невозможно реализовать обладание великим художником. Сербский народ вел три войны жизни и смерти, и всегда против врага, который был сильнее его самого: сначала против Турции, затем против Болгарии, а теперь против Австрии - и все это в течение трех лет. В такое время невозможно создать великую цивилизацию, и тем более невозможно не показаться миру нацией, созданной исключительно для войны. Дипломатическая Европа интересуется сербской политикой - не из соображений гуманности и справедливости. А для Европы цивилизации, философии, науки, искусства и этики дух Югославии - это даже не имя. Кто знает, что даже помимо Мештровича, который, будучи ровесником Фидия и Микеланджело, не может сравниться с простыми смертными, лучшим архитектором современности является южный славянин - словенец, сын маленького народа с населением в три миллиона человек? Этот великий архитектор современной Европы - Йосип Плечник; он был директором Академии художеств в Праге, а несколько месяцев назад был переведен в Венскую академию. В угнетенной Далмации живут такие влиятельные писатели, мыслители и ученые, как граф Иво Войнович, Антун Трешич-Павич, философ Петрич и историк Нодило. Во времена Кардуччи и Суинберна Босния обладала типичным поэтом Сильвием Краничевичем, а в настоящее время Сербия имеет в лице Борислава Станкови романиста, достойного стоять в одном ряду с Леонидом Андреевым. В Югославии сегодня есть великолепно издаваемые рецензии, особенно хорошие театры и опера (как, например, Опера в Загребе), а также хорошие университеты с выдающимися профессорами и учеными. Конечно, южные славяне не виноваты в том, что весь мир увидел эту одаренную и важную нацию через очки венской прессы, нацию, которая стоит для человечества больше, чем вся династия Габсбургов - или *была таковой* до начала нынешней войны..... При всей своей нищете и рабстве, без помощи даже Сербии, они вели просветительскую кампанию в европейской прессе, устраивали художественные выставки, концертами, лекциями и переводами знакомили мир со своим искусством и литературой. Английская литература оказала большое влияние на сербохорватскую; на сербский язык переведены не только Шекспир, Диккенс, Байрон и Шелли, но и Карлайл, Бакл и Дрейпер, которые оказали огромное влияние на сербскую культуру; а самая современная литература Великобритании нашла достойных переводчиков и почитателей. Стихи Россетти, Браунинга, Китса, Суинберна и Уолта Уитмена, романы Уэллса и пьесы Бернарда Шоу были переведены на прекрасный язык "белградских рецидивистов".

В заключение следует отметить, что неудивительно, что западноевропейцы не знают южнославянской цивилизации, когда многие богатые области этой культуры до сих пор

остаются "зарытыми сокровищами" для самих южных славян. Сербохорватские и словенские поэты, такие как Гундулич, Раньина, Палмотич и Джорджич из Рагузы и Далмации, выгодно отличаются от представителей западной литературы, а среди современных сербохорватских поэтов Петр Петрович Негош, Лазарь Костич и Сильвие Краньчевич велики, даже если сравнивать их с самыми великими. Однако бесценны не столько художники и их отдельные произведения, сколько *нация и коллективное художественное достоинство* национального духа. Музыка южных славян, особенно музыка Старой Сербии и Боснии, обладает великой мелодической красотой и эмоциональной глубиной, и когда она найдет своего современного выразителя, то займет достойное место в истории музыки. Однако это великое искусство сербского народа не только совершенно неизвестно в Европе и остальном мире, но даже в Сербии, хотя и известно повсеместно, культивируется слабо или не культивируется вовсе. Сербское государство, которое с момента своего возрождения при Карагеоргии Петровиче ведет непрерывную войну за свободу и объединение южных славян, не могло посвятить себя музыке, искусству и красоте; а та часть народа, которая остается под игом турок-османов и Габсбургов, чувствует себя еще менее склонной к этому. Бесценные сокровища народной песни до сих пор не были художественно использованы. Поэтому их собственное творчество является для южных славян зарытым сокровищем; в некотором смысле можно даже сказать, что сербской музыки не существует. Европейцы не могут оценить эту прекрасную и благородную музыку, потому что не знают ее; не могут они оценить и национальное текстильное искусство Старой Сербии, Далмации и Хорватии, потому что оно так же неизвестно. Три года подряд сербскому правительству приходилось вооружать государство, и у него не было ни времени, ни денег, чтобы превратить текстильное искусство южных славян в современную индустрию.

Что сербохорваты и словенцы, и даже болгары, действительно культивируют и чем гордятся, так это южнославянской или сербской национальной поэзией, балладами и легендами, которые народ придумывал и пел на протяжении веков рабства. Гете, великий "гражданин вселенной" и первый, кто предсказал создание современной универсальной литературы, отвел сербской национальной поэзии очень высокое место среди литератур мира, а многие стихи уже переведены на разные языки. [18](#)

Чтобы понять Ивана Мештровича, создателя храма Коссово, нужно прочувствовать сербскую музыку, оценить сербское текстильное искусство, а главное - узнать этот благородный народ христиан и славян через его национальную поэзию. Не будет высокомерием с нашей стороны назвать Мештровича и Храм Коссово вечным искусством нынешнего поколения. Каждый боговдохновенный художник творит не только красоту, но и жизнь, ибо разум - это жизнь, и этот великий регенератор европейского искусства - сын маленького народа залитых кровью Балкан, а также сын великой расы, породившей Достоевского.

Европа и человечество в целом должны отдать должное духу южных славян, историческим заслугам и достижениям сербского народа. Знание сербской музыки и особенно сербской поэзии может быть только благом для Европы будущего. Для этого сербское искусство - *истинно славянское*, прекрасное и глубокое, равное искусству древнего Египта и Индии. Не потому, что Мицкевич, великий польский поэт, сам был славянином, он так восторженно пел дифирамбы этой красоте, а потому, что он понимал ее мораль. Эта поэзия на протяжении веков была жизненной силой южного славянского народа, потому что мораль и жизнь едины, и потому что дух сербской красоты - варварской и богоподобной - это религия в поэзии и мораль в искусстве. Без страха можно сказать, что сербская этика - самая

замечательная в истории человечества. Если о каком-то народе можно сказать, что он велик и благороден, то это можно сказать о южных славянах. Европа не осознает, какую чудовищную несправедливость она совершила по отношению к этим "варварским" народам. Это скорее героический и мифический, чем варварский народ. Только Австро-Венгрия считает их нацией анархистов и цареубийц.

Что такое сербский дух? Он проявлялся дважды. Один раз через одного человека, Ивана Мештровича, пророка славянских Балкан, и второй раз через весь народ, в тысячах легенд, сказок, баллад и песен, собранных Вуком Стефановичем-Караджичем.¹⁹ Оккупация Боснии, затем национальная катастрофа аннексии Боснии и, наконец, Балканская война уже стали предметом поэзии, и в наше время последняя и величайшая война южных славян будет воспета во всей ее героической реальности.

ССЫЛКИ:

¹ Причина такого "культурного" остракизма России носит как расовый, так и географический характер. В Англии никогда не было желания принизить славян, и уж тем более Россию. Напротив, длинная череда традиций, восходящая к эпохе викингов, связывает крайний Запад с крайним Востоком Европы, а теперь достигла большого этического и практического выражения в Тройственной Антанте. Но между Западной Европой и славянами лежит имперская Германия, которая выступала не только как барьер, но и как искажающее стекло, через которое западные и восточные расы Европы были вынуждены смотреть друг на друга. (Сноска переводчика F.S.C.)

² История недавно поставила под сомнение норвежское происхождение Рюрика, но традиция говорит об этом вполне определенно. Конечно, имя Рюрик - отсылка к норвежско-шотландскому Родерик-Рори - говорит в его пользу, и интересно, что скандинавское происхождение Рюрика и даже русское происхождение скандинавов отстаивали некоторые шотландские писатели - возможно, чтобы объяснить несомненную симпатию шотландцев к русскому народу.³ (См. книгу Пьяцци Смиты "Три города в России") - F.S.C.

³ В связи с этим интересно узнать, что некоторые славянские историки утверждают, что шотландцы имеют славянское происхождение.- С.Т.

⁴ Достоевский, который действительно знал только Россию и свой народ, конечно, был вправе приписывать эти качества только русской нации. Если бы он мог изучать англичан в их собственной стране, он не мог бы не обнаружить многих точек сходства между двумя народами.-S. T.

⁵ Татарские писания.

⁶ На британского читателя, не изучавшего политику средневековья на континенте, не может не произвести сильного впечатления тот факт, что это признание власти определенных королевских домов *было добровольным*, а вовсе не вызвано завоеванием. Если эти избранные правители злоупотребляли своими привилегиями, народы, избравшие их, оставляли за собой право протестовать и даже отречься от их власти (см. восстание швейцарцев против Австрии [Вильгельма Телля] и возвышение Голландской республики).- Примечание переводчика, F.S.C.

- 7 Закон об экспроприации предоставляет немецким колонистам на польской территории льготы, согласно которым польская земля и частная собственность могут быть экспроприированы в пользу немецких колонистов.-S. Т.
- 8 Это утверждение было поддержано многими зарубежными славистами. И Сербия, и Хорватия приняли разговорный язык Герцеговины в качестве своего литературного языка.-S. Т.
- 9 Уничижительный термин для обозначения "немца".
- 10 Взято у Нико Жупанича. (Дело, 1903).
- 11 Этот факт является первым в истории доказательством того, что южные славяне с самого начала были оплотом христианства, а значит, и оплотом европейской цивилизации.
- 12 Именно благодаря его дипломатии Сербия была освобождена от турецких гарнизонов на своей территории.
- 13 Король Милан был восхитительным оратором, и часто народ, собравшийся с намерением выступить против него, так увлекался его ораторским искусством, что его ругань переходила в одобрителные возгласы.
- 14 См. статьи в № 16 "Круглого стола". (Тем временем были вынесены приговоры по делу об убийстве в Сераево, и примечательно, что пять сербов, не причастных к убийству, были приговорены к смерти, в то время как убийца Принцип и метатель бомб Кабринович были приговорены лишь к тюремному заключению) -S. Т.
- 15 Епископ как духовный и временный глава государства.
- 16 Его сборник стихов "Горский венценосец" является непреходящим памятником южнославянской литературы прошлого века. Т.
- 17 Этот процесс подробно описан в замечательной книге Сетона Уотсона "Вопрос о южных славянах".
- 18 Упомянутые исследования Гете опубликованы в "Сочинениях Гете", том vi., Штутгарт, 1874.
- 19 Среди английских переводов сербской поэзии следует упомянуть перевод Боуринга (1826) и перевод мадам Элоди Лоутон Миятович, "Коссово, сербская национальная песня о падении империи" (Лондон, Исбистер, 1881). Самое последнее английское издание сербской поэзии озаглавлено "Героические рассказы и легенды Сербии", автор Воислав Петрович (Лондон, 1914).

Изображение обложки было создано транскриптором и является общественным достоянием.